

СМЕНА

XX $\frac{101}{T}$

№13

10
КОП

ТЕАТР, СЛУЖИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЕ!

Значение творчества В. Маяковского для театра огромно. Маяковский-драматург — подлинный новатор, первый сумевший развить старые формы, чтобы создать новый стиль драматических произведений, полных настоящего революционного содержания.

Маяковский не случайно, конечно, связал свое творчество драматурга с самым революционным советским театром ГОСТИМ. Когда поэт привнес в театр свое первое издание — «Мистерия Буфф», Меерхольд ухватился за нее с жадностью: пьеса была подлинно революционной, целиком отвечающая задачам, которые разрешал театр. ГОСТИМ не мог не почувствовать, что в Маяковском он находит не только драматурга-новатора, но и борщеватника, стоявшего на одинаковых с театром идеологических позициях. Так зародилось и крепло содружество Меерхольда и Маяковского.

«Мистерия Буфф» в 1921 г. открыл творческий путь поэта В. В. Маяковского драматурга. Это была первая революционная, боевая пьеса и стихов. Следующая пьеса — «Клоп» — появилась в прошлом театральном сезоне. Как социальная сатира, «Клоп» обладает всеми качествами, присущими этому театальному жанру: злой иронией и бичующей хлесткостью языка. Однако Маяковский сумел обновить традиционную форму этого театального зрелища: бытовая сторона сочеталась у него с фантастикой. Это сочетание быта и фантастики мы встречаем и в третьей пьесе — «Баня». Несмотря, однако, на то, что отдельные места пьесы вызывают дружный смех в зрительном зале, «Баня» в целом оказалась непонятой рабочими зрителями. В чем же дело?

Меерхольд, останавливая пьесу, указывал, что у Маяковского мастерски показан трагический конфликт рабочего-изобретателя в борьбе с бюрократизмом, волокитой и дельцеством и что Маяковский «вырывает» восхитительные передышки пролетариата, преодолев все препятствия на пути своем к социализму». Верно, но как это сделано?

Изобретатель Чудакон придумал «машину времени», которая может «заставить время и стоять и идти в любом направлении и с любой скоростью». Но для опыта с «машинной» нужды изобретателя, которые можно получить только в Главинзпусе, возглавляемом бюрократам Победоносиковым.

«Машина времени» готова. Ее включают, происходит взрыв, и изобретатель получает из эфира письмо, написанное «50 лет тому

ЛОЗУНГИ ДНЯ

Долой буфторские трапки и сор,
Передельвая жизнь коммунист-режиссер!

Правое искусство наступает

Соединяйтесь, работники
Протектиксво!

Коммуна строится трудно и туго,
На помощь строителям — перо
драматурга!

Некоторые говорят, спектакль
прекрасен.
Но он не понятен широкой массе.
Барская заносчивость
Масса разбирается не хуже
вагаша.

Славяным психоделогией театр
не погаришь
Театр, служи коммунистической
пропаганде!

Ставь
Прожектора,
Чтобы рампа
Не померкла!
Крути,
Чтоб действие
Мчалось,
А не текло!
Театр —
Не отражающее зеркало,
А увеличительное стекло.

Мы знаем десятки жгучих и
важных проблем сегодняшнего
дня. А где поэт? Куда к чертовой
матери эти поэты запро-
пастились?

Почему мы имеем 7-8 профес-
сиональных критиков, профес-
сиональных комсомольских пла-
кальчиков, которые пишут изю
дня в день в газете, а не имеем
полного сравнения с нашей
произведенной темой?

вперед» «бде 5-24-20», что значит на
человеческом языке: кто-то неведомо при-
бывает из пространства с какими-то особыми
позвоночниками. Этим лицом оказывается
«фосфорическая женщина», делегатка 2030 г.,
«включенная в наше время на 24 часа для
того, чтобы забрать с собой в «коммуни-
стический век» лучших работников.

В то время как делегатка 2030 г., осмо-
трел созидательную работу в СССР, произ-
носит хвалебную речь ее работникам, начи-
нает действовать «бюро по отбору и пере-
борске в коммунистический век». Окрулен-
ные уверенностью, все бюрократы во главе
с Победоносиковым и Оптимистенко погру-
жаются в «машину времени», чтобы в числе
избранных отправиться в коммунистический
век.

Но «машину времени» вырывает всех
обывателей и бюрократов, унося только
действительно достойных рабочих.

Действительно, не только развитие дей-
ствия необходимо, но и герои — «фосфориче-
ская женщина», «машину времени» — необы-
кновенны. Удивительно то, что до рабочего
зрителя все это не доходит, запутывая осно-
вную идею пьесы.

К этим жалобам присоединяются другие:
почему не показана рабочая масса, партия?
Неужели у нас в государственном театре
обыватели и бюрократы? Рабочие неправдо-
подобны, говорят не на собственном им
языке и ведут борьбу вне реальных
условий Советской страны.

Как же, однако, понять эти нарекания,
зная, что чтение пьесы на заводах рабочие
встретили дружелюбно и положительной оцен-
кой?

Причина, вероятно, в том, что в «Бане»
переплетаются приемы сатирической-бытовой
и утопическо-фантастической драматургии.
Поэтому рядом с «фосфорической женщи-
ной» оказывается Оптимистенко; с «машин-
ного времени» — очередь к бюрократу.

Ошибки Маяковского театр углубил своей
постановкой, подчеркнув полную несовмести-
мость бытового и фантастического на сцене.

Рабочий зритель просил Маяковского
«подработать» пьесу. Но, вот, Маяковский
умер. Театр Меерхольда, больше, чем кто-
либо, чувствует свое идеальное спростство.
Его дело теперь довести до рабочего зри-
теля не только «Баню», но и другие пьесы.
Этим он лучше всего почтит память друга
и соратника.

Сцены из «Баня».

Смена

№ 13 М А Й 1930 г.

Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи
Орган ЦК и МК ВЛКСМ—Изд. „Молодая Гвардия“

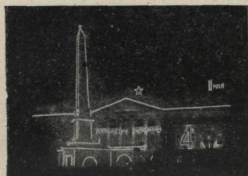
Ответственный редактор С. Кэмард
Заведующий редакцией Я. Юдицкий

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6, Издательство „Молодая Гвардия“.

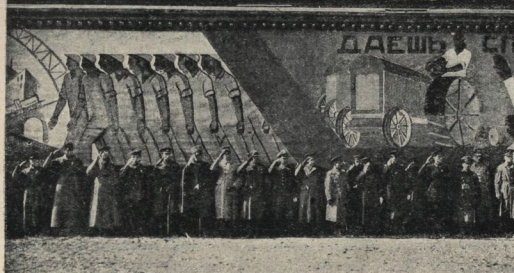
Телефон 2-35-26.

МАЕВКА В МОСКВЕ

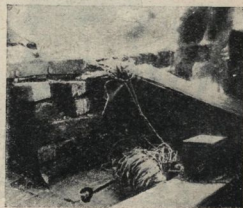

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ

НА СНИМКАХ: слева — группа комсомольцев на Красной площади; Советская площадь ночью. Справа вверх — члены правительства на трибуне Красной площади; бронеавтомобиль во время парада.

Нижний ряд: слева — молодые участники рабочего праздника — полные гитаны бразильских стран. Справа: первомайский подарок международного империализма — бомба, обнаруженная в здании советского посольства в Варшаве.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рассказанное здесь — не результат творчества писателя. Это писка трудящихся пролетарий в краткие минуты досуга, остающиеся у рабочего в наше тяжелое время капиталистической рационализации. В тесной комнате, рано утром перед началом работы, вечером после окончания работы, в ожидании, стоявших на вокзалах, поздней ночью, иногда всю ночь — вот как написана эта книга, в котором я без утайки рассказал свою жизнь.

Воспоминаний написано много до меня, но их писали короли, генералы, капиталисты, государственные деятели, искатели приключений. Они не говорят о том, что волнует рабочего, не говорят о тех трудностях, которыми полна его жизнь.

Но близок час, когда грянет буря, и я пишу свою книгу, чтобы приложить этот момент. Я пишу ее для литераторов и метателей, а только для людей моего класса.

Жизнь отдельного человека из массы особого значения не имеет, но когда все пролетарии научатся делать правильные выводы из полученного ими опыта, то они решатся на совместные выступления.

А это приведет к победе социализма.

«ЗОЛОТОЕ» ДЕТСТВО

Я родился 28 августа 1898 года. В этот день моей матери 6-недельное пришло не жить на работу. Как большинство людей нашего класса, я родился не на постели, а на холодном брезентовом полу вазе старого комоды. Моя мать не придавала особого значения этому событию. Хотя я и родился в поскреженном, но сравнительно мне трудно было назвать. За пять месяцев до моего рождения умер отец, и единственное, что он оставил моей матери в наследство, был я. Не много для дочери строительного рабочего, с дет в привыкшего делить одну постельку на семью из семи человек.

Через неделю после моего рождения мать пошла на работу.

Об отце я знаю очень мало. В качестве слесари он приехал в Мандебург и поступил к Гроуэну, познакомился с моей матерью, переехал в Стендаль и делал там железную мебель на фабрике Л. С. Арнольд. По словам моей матери, это был очень трудолюбивый человек. Десять часов в день работал на фабрике и, кроме того, занимался починкой обуви. Все это должно было ему дать желанное благосостояние. Вместо этого, он получал лишь халявку.

Тяжелы были для меня те несколько лет, которые прошли до второго замужества матери. Моей няинкой была больная подруга старуха.

С отчимом я познакомился, когда мне было три года. Он был парижанком. А парижанским, как известно, принадлежат к числу наиболее сознательных рабочих и в те времена вели трудную работу с окружающей обывательской, городскими властями и полиции. Эта часть Германии и сейчас слышит отчаянный трубач.

Немало отчаянных людей вело здесь скучную упорную работу и добивалось лишь незначительных результатов.

Отчим решил к свободной жизни и переехал в Гамбург, где нашел место на табачной фабрике. Несмотря на то, что мне было семь лет, отчим требовал, чтобы я ему помогал при расклатывании табака. Это было для меня сущей мукой и, главное, мешало шататься в слезы по гавани. Мороз на меня пробивал по коже, когда отчим отсыпал из ящика табак и как ни в чем не бывало говорил:

Когда это будет сделано, можешь идти гулять.

Но я уже знал по опыту, что, во-первых, даже при очень усердной работе мне для бедности до ужина останется не больше двух часов, а во-вторых, мой отчим очень небрежно относился к своим обещаниям. Не успевая я сделать эту работу, как он давал мне другое. Из-за этого у нас шла постоянная борьба. Как только отчим выходил из комнаты в тотчас же отсыпал часть табака обратно в ящик и, таким образом, выигрывал час или два.

Повидимому, плохо оплачиваемые рабочие отсыпавшие материала. За неделю делалось от 2500 до 3000 папирос; из них утаивалось штук 100 или больше. В один прекрасный день фабрикант отказался выдать табак, и отчим остался без работы.

После этого матери и отчиму пришлось работать вне дома. Для меня наступил чудесный момент. Повесил на шее ключ от квартиры, и тотчас же после школы мчался в гавань. Неудержимо влекло меня туда.

Я многому там научился.

Однажды была компания усадьба на памятнике Бисмарка и уписывала превкусные копченые селедки с белым хлебом. Аппетитный запах привлек внимание полицейского.

— Пошли ны отсюда с этой дрянью! — крикнул он.

Однако, увидев нашу довольно внушную добычу, он уже лоджиски поинтересился:

— А ну, ребята, дайте-ка сюда селедки!

— Ну нет, дудки, — отвечали мы и побежали во весь дух.

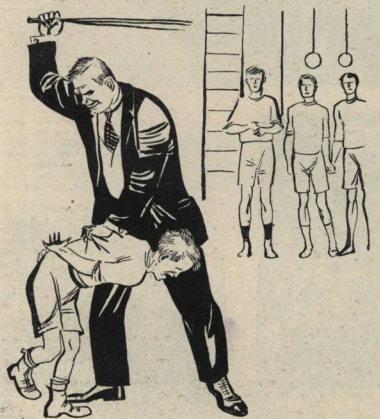
Почти ежедневно, ровно в шесть вечера, и появлялся у ворот шоколадной фабрики Ризарда и по дороге домой следил за мной, который матери удавалось унести, несмотря на строгий контроль.

В Гамбурге заработок не хватало на жизнь, и мы переехали в Гестемонде. Там жил брат моей матери. В семье Бавке было пятеро детей. Они жили в запертой кухне. Детвора с жадностью уписывала огромный котел с вареной картошкой и кусочком сала за 10 пфеннигов и после этого душкаловского ужина исчезала в трех кроватках. Нельзя же было зря жечь дорого стоющей керосин! Незадолго до нашего переезда сюда у меня родился брат Ганс, у Бавке тоже был трудный ребенок; он и Ганс оба орляли по целым дням.

До сих пор не могу забыть, как голодала эта семья. Трапезы часто носили буквально трагический характер. Дети ворое слезили друг за другом, чтобы все получили равные порции. Из-за этого происходили отчаянные драки. Крепко закрытый кухонный шкаф был однажды взломан. Так как виновник не признавался, то отец семейства отстегал ремнем троих старших детей.

После долгих поисков отчим нашел для нас квартиру и вазался за работу на дому. Поразительно, до чего он много трудился. Никогда не ложился спать раньше двенадцати часов ночи. Мать и я тоже не имели свободного времени. Помещение для работы было невероятно тесное. Мой маленький братишка Ганс целый день пролегал в дупной комнате. Неудивительно, что он вскоре ушел из этого мерзкого мира. Отчим уверял, что это была лямка шпунца с его стороны.

Вскоре отчим опять лишился работы, и мы переехали в Лерггайде. Это было большое село с целым рядом новых домов. Мы поселились в одном из таких домов. Отсюда до гавани было, по

Учитель гимнастики болелю вблизи мену

крайней мере, три часа ходьбы, но я часто отправлялся туда с корзиной, чтобы купить на десять финнигов бракованной рыбы. В эти дни я возвращался домой поздно вечером, до смерти усталый.

Еще одно воспоминание сохранилось у меня о Лейсгайде. Там есть огромное свалочное место. Ежедневно мы набирали большой мешок старой обуви, которая нам служила топливом. Приходилось вручную работать крошечко, чтобы найти скрытые на свете сокровища. Постепенно научившись находить нужное при первом взгляде. Смотря по специальности, можно найти кости, железо, свинец, промокшую. Но для этого необходим наметанный глаз. Даже заяц ищет большую роль. Работе мешают конкуренты. Но мусорщики имеют различные специальности — одни собирают железо и не берут тряпок и костей, другие берут решительно все — старые зонтики, консервные коробки, тряпки и т. д.

В общем эта трудная работа дает очень малый заработок.

Отним бросил свою обычную работу на табачной фабрике и нарядился на простую новую гавани в Бремене. В связи с этим мы опять перешли на новое место и поселились в ужасном старом домике. В гавани работа шла во-всю, днем и ночью. Когда отчим был в дневной смене, я относил ему туда обед. Благодаря этому я так же хорошо познакомился с бременской гаванью, как прежде с гамбургской.

Мне минуло одиннадцать лет. На моей обязанности лежало снабжение нашего хозяйства топливом. Три раза в неделю вместе с другими профессионалистами дедами отправлялся и спускаться в туманные горы устья «Северо-немецкого Ллойда». Служащие в тумани были против этого. Но угля нужен был дозарезу, и мы его брали украдкой. Вечером мы, мальши, пробираться на ту сторону таможенной границы, предусматривательно обогнув мешок вокруг тела и медленно пробираться вперед. Завидев врага, мы действовали решительно — шли напролом. Этот метод всегда приводил к ярости блюстителя порядка. Он прыгал направо и налево, чтобы поймать кого-нибудь из нас, но это ему редко удавалось. Я провалился в этих случаях такую доловость, что врага, мы действовали решительно — шли напролом.

Этот метод всегда приводил к ярости блюстителя порядка. Он прыгал направо и налево, чтобы поймать кого-нибудь из нас, но это ему редко удавалось. Я провалился в этих случаях такую доловость, что врага, мы действовали решительно — шли напролом. Этот метод всегда приводил к ярости блюстителя порядка. Он прыгал направо и налево, чтобы поймать кого-нибудь из нас, но это ему редко удавалось. Я провалился в этих случаях такую доловость, что врага, мы действовали решительно — шли напролом.

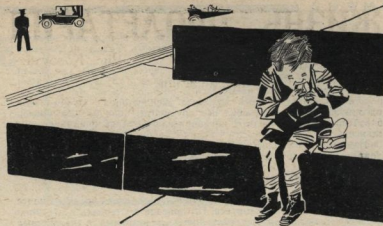
Вообще наш отряд считался лучшим. 6-8 человек быстро бросалось навстречу ошарашенному полицейскому. Вперед — двое наиболее отчаянных. Добежав до врага, один бросался на него, другой — направо. Преследовать было бесполезно: нас все равно никто догнать не мог.

Полицийский прекрасно знал, в чем дело. Если он хотел продолжать преследование, то отправлялся к месту, где лежал уголь. Мы обыкновенно сидели на вершине угольной кучи, но добираться до нас полицейскому и в голову не приходило. Частенько случалось нам таким образом сидеть часами, если мы знали, что нас караулит внизу.

Полиция не могла с нами справиться, но все-таки была умной борью. Я убежден, что и сейчас там происходит то же самое. Пролетарияты отправляют своих добывать для себя уголь.

От такжана немца на плечах у отчима с неприкаян образовались раны. Вскоре он лишился работы. В это время родилась моя сестренка Лиэви.

Наш «кориньен» сумел в Бремен и опять стал работать в качестве папиросника. В результате этой работы нам до почти переслали три-четыре, редко семь марок. Тяжело было грызть солодовое кофе, когда другие в школе ели хлеб, намазанный маргар-

Опутился на шершавой папиры и стал есть с жадностью...

риню. Во время перемычи я собрал в большом бумажном мешке крошки будто бы для моих голубей.

Однажды во время урока гимнастики учитель больно избил меня. Я это ощущал очень болезненно. Вель ночью за немением кроватей (они были в закалке) я плохо спал, мерз и к тому же отчаянно голодал. По всем этим причинам я ослабел, как мышь, и поборн был особенно опустительным. Матери я, конечно, ничего не рассказывал. Она так постоянно спрашивала, голоден ли я. Это делалось для того, чтобы отдать мне свой последний кусок. Я зверючье отказывался, хотя меня терзал собачий голод.

Иногда ерз уплывал за наши кроватки. Правда там были очень строгие, ничто не принималось, во внимание. Я знал, что если наши кроватки пропадут, мы уже не сможем кушать вояков. Для хозяйки решить такую проблему труднее, чем каким-нибудь генштабистам и учителя разрешить свои сложные вопросы.

— Со слезами на глазах мать сказала мне:
— Если послезавтра мы получим деньги от отца, можно будет выкупить кроватки, а на оставшиеся две кроны еще купить что-нибудь вкусное.

Две кроны на целую неделю! Когда за квартиру не уплачено за два месяца, когда ни булочник, ни бакалейщик больше не дают в долг!

До послезавтра я должен был что-нибудь придумать. Я, я... Я ваял мешок, в который обыкновенно складывал мусор, и отправился в путь.

Мать непременно хотела, чтобы я сел тарелку мучной похлебки на дорожку.

— Наделась эта противная похлебка!

С какой бы радостью я ее проглотил!
Я шел за город в трамвайное депо. Тула шли мои ноги, но мысли уносили меня в центр города, к большим магазинам. Погода была скверная. Я дошел до загородного парка. Не видно было ни одного человека.

Зачем я шел по этим вымощенным дорожкам, посыпанным красным песком? Я уже решил итти обратно. На мне были башмаки моей матери; маленькие каблочки оставляли явные следы в песке. Я пошел навстречу, выиска на поляну и очутился на беггах. На одном дереве я увидел цепь, к которой была прикреплен канкан. В нем торчали обданные со всех сторон куски севдеси. После получасовой работы мне удалось завладеть канканом. Я его положил в мешок и пошел в город.

Какого было мое огорчение, когда за этот кусок железа старшие мне предложили всего десять финнигов а я-то надеялся получить по крайней мере 50! На эти деньги я собирался купить хлеба, сала, стору и молока. Старшиея посоватовала мне поскорее убачиться во избежание неприятностей. Я пошел в ближайшую булочную, пошел к прилавку, схватил булку и убежал, как охмашенный. Потом убежал в гастрономический магазин, схватил две жестянки сардин и вбежал в уличной толле.

Как раз пора была поесть: вель я уже 27 часов ничего не ел! Добежав до близлежащей церкви, я почувствовал такую слабость, что впрямую бухнул на рух. Потом опустился на церковной папиры и стал есть с жадностью, на которую способен человек, не евший двадцать семь часов. Вслед за едой мое настроение сразу поднялось.

Часть булки я принес домой. Мать благоговейно разрезала ее, положила на нее сардины, и мы стали есть.

Да, господи прокурор, мы ели краденый хлеб. Вы должны были бы нас примерно наказать. Это, ведь, наша обязанность. У каждого своей обязанности, но элементарной долг каждого человека давать пищу своему организму.

Долго еще мучился мой отчим в Бремене. Он порешил мне высылать нам лишь жалкие кроны. В эти трудные дни мать часто удивлялась тому, что ее сыну удавалось «находить» такие подаяние нещ.

Каждый раз, что я уходил со своим мешком мусорника за пределами, она мне говорила:

Полиция не могла с нами справиться.

— Смотри, только не задумай воровать. Не позорь меня кражей. О плате за квартиру нечего было и думать. Хозяин потребовал, чтобы мы съехали.

Отцы поступил на сталелитейный завод. Рабочие там были черные, как ветри. Нередко работа затихивалась до двух часов ночи и, тем не менее, утром начиналась в обычное время. Трудно себе представить, до чего здесь доходила эксплуатация. Отцы очень долго мужественно переносили все трудности, пока не был уволен по той причине, что мастеру не понравился его профессиональная деятельность.

Нам опять пришлось складывать пожитки и возвращаться в Стендаль. Незадолго до этого у меня родился брат Артур.

ПОПАДАЮ БАТРАКОМ В ДЕРЕВНЮ

Я мечтал стать зорьком и обещать весь свет, но этой мечте не суждено было осуществиться. По приезде в Стендаль я поступил батраком к эксплуататору крестьянину. В ветреный и дождливый осенний день мать отвезла меня к моему будущему хозяину. Условья были не блестящие: за семь месяцев работа 60 марок и 10 центнеров картофеля.

— Будь молодцом,— на прощание сказала мне мать,— и не дай глупости.

Я остался один. Меня поместили в конюшню. Одна лошадь непрерывно качалась на месте, другая — тромка жевала, точно бороза что-то иро себя. Никому же было дела до меня.

Вечером старший работник привел в конюшню, валя барда, наполнил их водой, стал умываться, потом тщательно причешиваться. Меня он не удостоил ни единым взглядом.

— Отто я тот—новый, идите ужиться! — закричал пронзительный голос хозяина.

Отто победил на весь опор, я за ним. Усевшись за стол, я решил следовать совету моей матери и усердно есть, но это оказалось не так просто.

Отто буквально проглатывал все, что было на столе—исчезали ломти хлеба, лежавшие на тарелке, 6-8 кусков студии, три кусочка сала. Мне удалось схватить лишь немножко студии, сала я тоже не прочь был попорковать, но это уже исчерпало.

У печки на скамье сидела старуха с чулком и следила за нами. Когда все было съедено, она принесла огромный кофеинь, две чашки и несколько ломтей деревенского пирога. Они исчезли в пасти моего соседа, как и все остальное. Большие таких ужиков я уже не видал.

В будни еда была ужасная—исключительно картофель. Говорилось, что нам приготовлены бобы, но это был картофель, говорилось, что будет горох, и все-таки это был картофель, картофель и опять картофель. С середины апреля до середины ноября—картофель и ядкая похлебка—вот чем кормили меня семь месяцев под руд мой будущий хозяин.

За минимум еды они требовали максимум работы. Пастухом я был не больше восьми дней. Невероятная эксплуатация началась во время сбора урожая. Я работал с половины четвертого утра до девяти часов вечера. При этом давалось 10 минут на то, чтобы выпить кофе, 10 минут—на завтрак, 15 минут—на обед и 10 минут—на последовательный отдых.

Вечером перед ужином надо было еще вытрусить два-три воза сена. После этого я валился с ног.

И за всю эту нечеловеческую работу—60 марок и 10 центнеров картофеля! Меня кормили вираголодом, хотя в доме было 15-20 свиней, 8 коров, гусь, утки, куры. Проклятая старуха была еще скупее хозяина. Ее посылало от ослиного вида той червивой солонки, которой она меня кормила по воскресеньям.

Однажды я вышел из терпения, швырнул ложку в угол и с протестом крикнул:

— Небось сами же жрете эту солонину! Не видите что ли, что она кишит червями!

Отто не способен был на протест. Ему было безразлично, чем набить себе живот. Придетское воспитание до того затормозило его сознание, что он даже не понимал, как унижительно для человека ского достоинства все происходившее в этом доме. До последнего времени он терпел побои, и отсутствие побоев казалось ему уже большим улучшением в его жизни.

Второй кровати для меня не полагалось, спать было тесно и неудобно. Ночь не давала необходимого отдыха.

Никаких развлечений у нас не было. Отто не мог уйти вечером, чтобы на следующий день не высудить брани старика. Сколько он получал, не знаю. Думаю, что не больше 300 марок в год.

Между тем, наш хозяин жил в свое удовольствие. Через день я приносил ему по 12 бутылок пива, а особенно жаркие дни даже 20. Кочкач он себе сам приносил из города.

Дочь, глупое, высокомерное существо, не отставала от матери. Счастьявым исключением в семье был только сын Альберт. Зато все, что он делал, не нравилось старухе, и он ругал Альберта не только за маленькую провинность, но даже за прекрасную исполнительную работу, если она была сделана не по его приказанию.

Событием в нашей жизни был сбор урожая. Неожиданно появились кофе, хлеб, студень, сало, яйца и ветчина, самая настоящая ветчина!

Почему такая перемена в нашем питании? Надо сказать, что побоев существует особый хорошо кормить работников в страдную пору. На время сбора урожая нужны люди. Если их будет плохо кормить, то на следующий год они не станут работать у прежнего хозяина.

Работа кипит во-всю. Почему такая снепка? Почему все так горюпитно? Разве так хорошо оплачивается работа? Разве здесь можно заработать целый капитал? Нет, просто человек охлянул природным образом,—созревшие плоды ждут, чтобы их сорвали.

Сельские рабочие необычайно невоспитаны. Они хворают ботризи на-из недоразумения в процессе работы, но я еще не слышал, чтобы эти недоразумения были серьезно обоснованы.

Некоторая сознательность проявлялась у поляков. Если их особенно бесстыдно эксплуатировали, они обдвнивались, предъявляли требования и отказывались от работы до тех пор, пока их требования не были удовлетворены. К сожалению, у немецких сельскохозяйственных рабочих перед войной очень редко замечалось такое благоразумие.

Мой товарищ по работе однажды совершенно потерял доверие хозяину, я тот оставил его от хлопотли. Отто привлаzano было пастик коров. Мы обменялись ролями. Отто везбазно такое понижение, он мечтал о мести, поэтому так дулил коров, что их буквально нельзя было доить.

Я в свою очередь тоже решил насолить хозяину. Моя месть заключалась в том, что я доотвала кормил лошадей. Они стали

Я приносил ему по 12 бутылок пива.

жирные, гладкие и так мчали старика в город, что он опомниться не имеет.

Наконец взаимнолюбимый крестьянин понял, что его затае не имеет никакого смысла.

Однажды в воскресенье назначен был в деревне праздник по-жарного обихода. Из всех окрестных деревень шли толпы народа—крупные и мелкие крестьяне, батраки. Все хотели поспать на празднике и хорошенько выпить.

Отто не отставал от других. Но, проделав весь этот шквал удовольствий, он остался без денег. Единственным еще доступным ему способ развлечения заключался в том, чтобы устроить маленькую потасовку.

Достаточно было во время танцев задеть кого-нибудь на присутствующих, и дело было в шляпе. Отто сделал все, что надо, и молодцы стали драться, как сумасшедшие. Толпа свистала, орава, трещало платье, слышались звон разбитого стекла.

И вдруг все замедил. Кто-то крикнул: «Пожар!» Я стоял, точно громом пораженный. Для остальных пожар явился простой сенсацией. Но я волновался больше других. Еще бы! Ведь я был поджигателем!

Продолжение следует

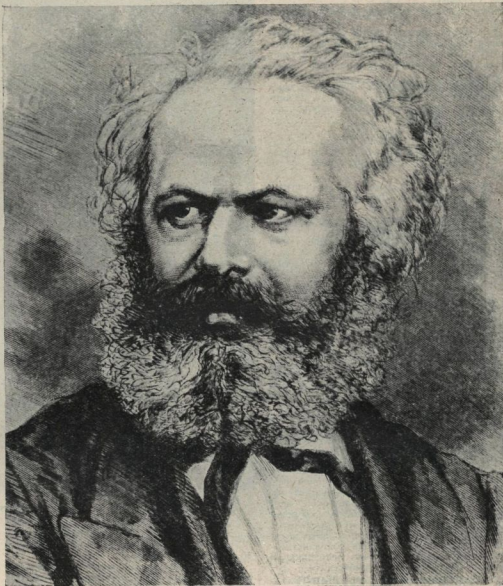
ИЗ ЭТЮДА О МАРКСЕ

Семен Кирсанов

Родился Маркс. Огромные штандарты
на погоню!
В войну продвзся, как чиновник в карме,
Нипосею...
Качнулася Трир, и трижды струи Рейна
шешнули: «Карл»..
И Гейнрих Маркс в кругу семейном
дитя ласкал,
Немецким семьям любви щеки резвых
и глазки-синь.
В счастливом браке с Генриэттой Прессбург
родился сын,
И в трирских дний позусредневековой,
как взмах весла,
сквозную свежесть крови родниковой
семья вынесла.
Не ветвь генеалогии старинной,
не цень родов,
не эти поколения равнинов
несли ту кровь,
несли ту кровь не на гербах затейных,
как равный пласт,
Тогда ж в страданных ткацких и литейных
рождался класс.
Казня руками детскими машини,
в бреду ночном,
рождался класс, и множились морщины
на лбах ткачей.
Как прусский патриот, не поколеблясь,
но не гауясь,
и бога чти, как Лессинг, Локк и Лейбниц,
жил Гейнрих Маркс.
Какие мать рассказывала сказки,
нам не узнавать,
как таклся класс на новых пальцах ткацких—
сказала ль мать?
Быывает много у детей капризов,
а может, Карл
уже тогда на казни декларистов
себя искал?
Но Карл сидит, к экзаменам готовит
листы труда,
что людям предопределяет подвиг,
век и средь.
Еще кружилась юность-озорница
над головой,
когда свернула эта мысль-зарница
в ум молодой..
Уже стоял над Францией восставшей
июльский гул,
качнуло Польшу, гул понесся дальше,
в Пфальц качнул.
И мастер шеток Беккер едет в Гамбах,
но бунт разбит.
И Гейнрих Гейне в первых вольных ямбах
уже являл,
и Карл мучался. Выхсоний и веселый,
и черным весь!
Он пишет вирши у порога школы
и кипы пьес.
Он начинает! Лишь прорвется лето,
И—скоро Бонн!
И скоро стены университета
увидит он,
О, скоро мысли углем накалятся,
да, в этот год!
О, скоро в клубе младогегельянцев
та кровь сверкнет.
Его уму такая ширь открыта
со всех боков:
он Эпикуром крадет Демокрита,
казня богов.
И скоро в блеске споров и воззваний
блещет тот зной.
О, скоро станет Жюльен фон-Вестфален
его женой.
И скоро в первых искрах телеграфен
тех новых дней

Многие на нас не раз видели портреты Маркса, на которых он изображен с неизменной циклопой, вселоконечной бордой, читали те или иные произведения, вышедшие из-под пера великого учителя пролетариата, слышали о колоссальной нужде, испытываемой Марксом в последние годы его жизни. Более или менее, но Маркса этих периодов мы представляли себе. Но как мало знаем мы о юношеских годах основоположника марксизма! Как мало знаем мы о том жизненном пути, который прошла юноша Карл, воспитанный в семье типичного представителя германского бюргерства и в стенах твердыни буржуазной науки—Боннского университета, прежде чем стать тем Карлом, имя которого подлая на своих знаменых пролетариат. Знать этот жизненный путь—значит лучше понять Маркса, крепче усвоить все этапы борьбы, которую вел Маркс с противниками диалектического материализма.

Семен Кирсанов в своем ЭТЮДЕ О МАРКСЕ белю, но четко рисует этот путь.

обнимет Энгельса и Фрейнграга
в всех друзьях тесней.
И скоро классу, выросши легенду
в явь всех эпох,
он крикнет: «Proletariat aller Länder,
ferneligt euch!»
Живая кровь, сквозная свежесть мира
в рожденный класс,
как Мозель в Рейн, у узких шпильей Трира
перелаясь,
И в русских черных дней средневековой,
на рабства шпак
сквозная свежесть крови родниковой
струей пошла.
Пришел Октябрь. Он раскрывает окна,

берет però..
В пальто, спешит он, нависок застегнут,
в лобанборю.
Но нет! На нем холщевая рубашка,
и это он
спешит, смеясь, на лекцию рабфака,
как прежде в Бонн.
Но нет! С модалью легкого планера,
друзей бодря,
он вожаком немецких пионеров
ведет отря,
в семье свистящих и влюбленных
родился сын.
И это он! Веселый октябрьенок,
и глазки-сини!

ТРИР—городок в прусской Пруссии, место рождения Карла Маркса. ГЕНРИХ МАРКС и ГЕНРИЭТТА ПРЕСС—родители Карла. ЛЕССИНГ и ЛЕЙБНИЦ—немецкие философы-идеалисты. ЛОКК—английский философ. БЕККЕР—друг К. Маркса, один из основателей и активных деятелей I Интернационала. БОНН—немецкий университетский городок. МЛАДОГЕГЕЛИАНИЗМ—философская школа, опирающаяся на диалектическое учение Гегеля. ЭПИКУР и ДЕМОКРИТ—древнегреческие философы. ФРЕЙНГРАТ—немецкий поэт, друг К. Маркса.

БОЙЦЫ И ДЕЗЕРТИРЫ ВСЕСОЮЗНОЙ КОЧЕГАРКИ

Ал. Абраменко

Стране нужен уголь. Домны, варганки, паровозы, топки фабрик и заводов требуют пищи—угля.

Донбасс, Кузбасс, Подмосковный угольный бассейн — кочегарки Советского Союза. Это они по нитам железных дорог, как кровь по артериям, рассылают во все стороны шешлоны с углем. Они питают топку. Растут новые гиганты-заводы, мощным гудом начинают жить доменные печи. Стране надо все больше и больше угля. Напрягите силы, Донбасс, Кузбасс, Подмосковский бассейн! Топкам нужна пища—топки не дождутся голода!

Кузбасс кормит мощную промышленность Урала.

В Подмосковном бассейне только-только развертывается добыча угля. На долю Донбасса выпала ответственность за действенность топок заводов чуть ли не всего Советского Союза.

Напрягает силы Донбасс. Шешлоны за шешлоном посылает он уголь в Москву, Ленинград, на иваново-воленские фабрики, заводы севера и юга.

Больше, больше надо угля!

Но Донбасс не поспевает. Неодолают шахты нормы. Сотни и тысячи тонн угля остаются лежать в недрах. Тревожные вести идут из Донбасса:

«За первые два квартала 1929/30 г. Лугануголь дал лишь 94,7% задания... По количеству недоданного угля Лугануголь стоит на первом месте, недодавший за полугодие 229 тысяч тонн».

Артемуголь недодал 176 тысяч тонн.

А эти прорывы сложились из прорывов в добыче на отдельных шахтах. Шахты не выполнили задания. За первый квартал Донбасс задолжала стране поамиллионна тонн угля!

Сколько тракторов не вышло из цехов «Красного Путиловца»? Сколько паровозов задержалось на Сорномском заводе! Они остались лежать в виде глыб каменного угля в недрах Донбасса.

Ко второму кварталу Донбасс принес с колоссальным прорывом в профинплане. Но стране нужен уголь, как хлеб. Донбасс должен был дать столько угля, сколько от него требовалось. Донбасс обязан выполнить программу и вернуть свой долг стране.

Своими силами Донбассу не справиться. Шахты болеют неполадками. Нехватает тысяч квалифицированных забойщиков, крепильщиков, рабочих на врубовых, скреперах. Шахте нужны люди, которые перестроили бы работу в шахте по-новому, которые развернули бы в забой социалистическое соревнование, побороли неполадки и вернули бы стране свой долг Донбасса.

КОМСОМОДЕЦ НА УГОЛЬНЫЙ ФРОНТ!

Из письма ЦК ЛКСМ Украины

«Выполнение пятилетнего плана упирается в потребность максимального развития тяжелой индустрии и, в первую очередь, полного обеспечения плана добычи угля и металла.»

Техучесть рабочей силы ставит под угрозу выполнения производственную программу по Донуглю. Вот это надвинутое перед угольной промышленностью задание — закрепить кадры постоянных, преданных советскому строительству рабочих.

Центральный комитет комсомола Украины уверяет, что левинский комсомолец Украины станет на помощь партии, социалистическому строительству в деле выполнения пятилетки. ЦК ЛКСМУ объявляет по Украине мобилизацию 10 тыс. комсомольцев для постоянной работы в Донбассе.

«Комсомолец, на угольный фронт, в забой, к обуху, на врубовую машину!»

Медальническое сверло.

Комсомолец Украины забил тревогу. Донбасс просит помощи—Донбассу надо помочь.

Украинский комсомолец посылает в шахты 10 тыс. комсомольцев.

Посылает 10 тыс. ударников для ликвидации прорывов профинплана Донбасса. Шахтам нужны кадры, квалифицированные забойщики, крепильщики? Эти 10 тыс. идут в шахты не на месяц и не на два, а на постоянную работу в шахту. Молодежь надо научить горному делу, и шахта будет иметь постоянные кадры квалифицированных рабочих.

10 тыс. ударников перестроят шахту по-новому, побьют неполадки: они вернут фабрикам и заводам поамиллионна тонн угля—долг Донбасса за первый квартал.

Товарищи, я иду

В бой за уголь, на войну.

Война не та:

Война идет за добычу угля.

Нам уголь нужен.

Я буду бить, есть сколько мочи.

Я обухом сожму в руке.

Будь уголь нужен

Всей стране.

Ударник Брылев

Мобилизация в шахты прошла по всем ячейкам Украины. На работу в забой шли от станков, от конторы, от плуга. Поднимались десятитысячная армия энтузиастов. Вместе с комсомольцами шли беспартийные ребята, девушки. Отряд за отрядом прибывал на рудники.

Один из отрядов пришел на Центральную шахту.

Старые шахтеры обходили «итальянку». Никто из них не шел работать на этот пласт.

В нарядной ежесуточно шла рутань. Твердый пласт, «итальянка», желобный пласт на Центральном руднике.

Из 119 комсомольцев рудника 89 пошли работать в забой. Взяв железки в руки, комсомольцы начали «запалывать» прорывы в профинплане.

Сначала пришлось прорубить проходку в кости и недолерии хозяйственников, в стене рутинных традиций — доказать, что «я комсомольцы умеют работать».

Комсомольцы-ударники рассыпались по наиболее трудным участкам, наиболее крепким пластам и лавам. Объявили бой неполадкам, разгильдяйству, хаосу в работе шахты.

Твердые пласты «итальянских» старые шахтеры не любили боялись.

На «итальянские» надо уметь работать, чуть злейшая олошность—смерть.

И вот 18 комсомольцев-ударников пошли на штурм «итальянских».

На штурм!

Пошли так же, как ходили двое из них лод Сивашем, в атаку, крепко сжав винтовку, а теперь—обушок. Шли на приступ пастухи-ардавы, пласта «итальянскую».

Геронка будней.

Григорий Малеев чувствовал героизму будней. Когда объявили мобилизацию в забой, он радостно вздохнул и с легким сердцем бросил конвоющую рудополучальню и сел с себя фартук конвою. В забое рядом с 17 товарищами он чувствовал себя бойцом во взводе, а решение бригады пойти на «итальянскую» приняв, как приказ командира добровольца глубже в тыл врага.

Григорий понимал героизму будней. Прокотившись в боях, вынес на своих плечах три года работы, как он выражался, в Красной армии, он быстро перекочевал на другой фронт—хозяйственный:

— Меня приказом перебросят с одного фронта на другой. Борьба остается та же...

Григорий был бригадным группой, пошедшей на штурм «итальянских».

Семен Левченко, один из 18, шел на штурм сада всех и думал: «Хорошо разогреть об энтузиазме, удальности. Хорошо говорить обо всем этом на собраниях. Энтузиазм! Какую, к черту, может быть энтузиазм вот здесь, в проходе, где поток воздуха прижимает твою голову к косякам, а стены сжимают с боков!»

Когда проходила мобилизация в забой, подхватывая волна общего подъема, и Семен записался в бригаду. Думалось тогда: «На Польском фронте не провалился, а здесь мы поведем им дальше Гиб!»

«Итальянка» встретила непрощенных гостей сурово. Лава—как кремль. Усилия бригадников разбивались о породу—обушки не действовали. «Итальянка» оказалась действительно непреступной.

— Выходил на поверхность измученный, еле держался на ногах. У клетки встречали насмешками:

— Эй, итальянчик, соли шахтерский пот?! — Выходил из клетки Семен и машинально плелся в баню, кое-как отмывал в естественную кожу угольную пыль и шел спать. Не мог забыть Семен, не мог разобраться в себе.

Все опротивело. Работал вazio, еле выжимал обушок. Зао думалось: «Чего спешить. И работать—умреть и не работать—умреть... Чего намывать, пусть они намывают...»

«Они» во главе с Григорием нажимали... После споров и проб в помощь обушкам пустили в ход подпирки и брильянки. И через неделю:

Доска у входа в нарядную встала:

Ударная комсомольская Плать «итальянка» В 3-ю десятидневку В 4-ю десятидневку	Было выполнено до бригады: 0% норма	Комсомольцы дали 12%, 18%
--	-------------------------------------	---------------------------

«Итальянку» победили!

Вместе с победой из шахты ушел Семен. Бригада, собравшись, постановила:

Семен Левченко дезертировал с угольного фронта. Также, как Левченко, не выдерживают тяжелой работы в шахте. Они думают, что работать в забое легко и красиво. Также, как Левченко, не нужны в трудовой армии пролетария. Семуду Левченко не место в комсомоле. Довести об этом до сведения коллектива комсомола.

Семен Левченко не одинок. В Краснослучском районе из 420 мобилизованных дезертиров 54 человек. Люди бежали от работы в шахте, искали «работу полегче—кусок пощале». Эти люди доказали, что они случайные люди в комсомоле, что они вкаменали на трудовую дисциплину, на божественность не выдержали.

В годы, когда революция была на краю гибели, когда на фронты нужно было бросить бойцов, комсомол послал молодежь крепить фронты. Молодежь шла. Сегодня

работчик паря вступил в комсомол, а после-завтра уже ехал на Южный фронт. То была героика революции. Теперь, когда трудовой фронт требует людей, комсомола, так же, как в свое время военные фронты, крепят участки трудового фронта, побороть неполадки, предавать рабочего класса!

По шахтам пустили ходом слухи:

— Седить за нами их прислают, шпюнить будут, доносить...

— Не пускать в шахту, не допускать до забоя.

Пошло шипение по шахтам, заполозло в ячейки, там вторили:

— Учить нас судят!.. Не пустят в шахту.

На шахте № 12 комсомольцев, пришедших выполнять работу, побороть неполадки, поставить работу в забоях по-новому, встретили несласко:

— Только нас здесь нехватало! Наблюдать прикажи!

Ребята толкались из ячейки в шахтком, из шахткома к управляющему рудником, требовали работы. Но всюду они встречали злые взгляды, пожимание плечами:

— Чего вы от нас хотите? Мы вас не аяли. Идите в шахтком, там нас направят...

В шахтком «направляли».

— Оборотится к управляющему.

На Буденновском руднике все комсомольцы мобилизовались себя на подземную работу, за ячейкой пошли десятки беспартийных ребят. Молодежь хотела закрепить собой крепости, забой, хотела отградить шахту

стеникам. На руднике «Бринский» мобилизованных в комсомольских собраниях лишили слова, когда они начинали говорить о безобразном к ним отношении. В Кадаевке ячейка, не желая «сориться» с рудоуправлением, молчаливо помирив безобразное отношение к мобилизованным. Члены бюро коллективов старательно обходят казарны, где живут приехавшие. На шахте «Ильич» мобилизованные никак не дозвоятся কোনো к коллективам к себе поговорить о своем положении.

В такую атмосферу попали мобилизованные в многих шахтах. Учить горному делу их не хотели. На шахте № 12 из 80 приехавших учатся только трое, на других шахтах не лучше. Словом, энтузиастов встретили, как врагов.

● Сейчас на ячейках пишут протоколы:

Слушали:

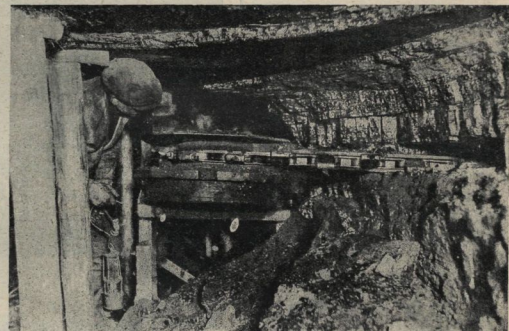
О дезертирах Гаврилюке, Семенове, Афанасеве. Сбежали с работы в шахте.

Постов и овики:

Исключить из членов комсомола как дезертиров с фронта социалистического строительства.

Таких протоколов в ячейках не мало. Ячейки с безобразной легкостью выбрасывают за борт комсомола разбитых или же людей. Молодежь, пришедшая по призыву комсомола в шахту, встретила в шахте врагов, и мудро ли, что некоторые не выдерживали тяжелой обстановки?

Есть дезертиры и «дезертиры». Первых мы клеим, вторых делаем сами. Скольких

Врубовая машина.

от летуства, но... мобилизованных в шахту не пустили. Управляющий шахтой Железнов просто объясил:

— Не пусти, и basta!

В Алексеевском районе, Луганского округа, хозяйственники страшно испугались энтузиазма молодежи.

— Куда их девать? Молодые, неопытные, они забой испортят...

И 46 квалифицированных ребит-забойщиков заставили работать на поверхности. В то же время в шахте недоисполнялась программа из-за нехватки забойщиков.

На руднике «Бринский» над приехавшими организовали планомерную кампанию издевательств: вместо работы в забоях их ставили... чистить уборные. 76 человек, приехавших на шахту № 12 Кадаевского рудника, десять дней обивали пороги шахткома, ячейки, рудоуправления, добываясь работу в забоях, но в забой их так и не пустили.

Комсомольские ячейки не уступали хозяй-

«дезертиров» наплюдия ячейка тех шахт, куда попали энтузиасты, привелиде ликвидировать задолженность Донбасса стране, бороться за выполнение пятилетия в четыре года?

● Последние сводки из Донбасса говорят о том, что производственная программа по десятилеткам выполняется с перевышением. Горняки Донбасса мобилизовали себя на выполнение заказов промышленности, проныры ликвидированы...

● Последние сводки из Донбасса говорят о том, что из шахт уходит молодежь, комсомольцы, мобилизованные на работу в забоях.

Противоречивые сводки. Они быют по комсомолу Донбасса. Угольный поход, объявленный комсомолом Украины, на местах сражаются сами ячейки комсомола.

Эти ячейки—дезертиры социалистической стройки.

Этим ячейкам объявляем бой.

ЗАВОД-БОРЕЦ ЗА СОЦИАЛИЗМ

Социалистическое соревнование — это рывок, который приводит в движение миллионные массы трудящихся, поднимает на громадную высоту производственную активность рабочего класса СССР, строящего социализм.

Только год прошел с тех пор, как поднялась мощная волна социалистического соревнования. За этот год далеко вперед продвинулись многие заводы — лучшие участники соревнования. О них должна знать вся страна, по ним нужно равняться.

ЗАВОЕВЫВАЕМ МАССЫ

Из немногочисленных, разрозненных подпольных групп восемь лет тому назад возникла КСМ Польши. С тех пор в неустойчивой борьбе за массы трудящейся молодежи, в непрестанных битвах с буржуазией и ее классовым аппаратом рос и укреплялся главный отряд КИМ'а — комсомол Польши.

Первый съезд Польского комсомола был в 1922 г. Тогда собрались представители отдельных организаций молодежи, студенческих кружков, групп молодежи при партийных ячейках.

Второй съезд состоялся в феврале 1930 г. Не удивляйтесь, товарищи, такому прозвищу. Это не опечатка. Второй съезд Польского комсомола состоялся через 8 лет после первого съезда.

За этот сошедший отрезок времени Польский союз выжил не мало славных страниц в историю мирового комсомола. Это были годы упорной борьбы с фашизмом. Годы, насыщенные парфосом революционной борьбы, героических подвигов, побед и поражений. За эти годы не мало комсомольцев погибло в схватках с буржуазией. Не мало было убито прокататорами охранниками.

Вот факты. В августе 1929 г. состоялся IV пленум ЦК комсомола Польши. На пленуме участвовало 14 товарищей. Через 5 месяцев на съезде комсомола из этих 14 могло участвовать только... 4. Десять товарищей изъяти польскими охранниками. Десять товарищей брошены в глухие казематы тюрьмы...

На заводе Геер — собрание рабочей молодежи. Текстильщицы готовят стачку. На митинг приехал член райкома комсомола тов. Гарман. Он призывает молодежь к борьбе. Но... вдруг безжалостно спускается рука оратора, он закрыл глаза, покатился и, как мешок, устал с шлица, который служил ему трибуной.

Среди гула на митинге не был слышен предательский выстрел. Тов. Гарман был убит полицейским шиком.

Убит подло, варварски, выстрелом в спину...

На втором съезде Польского комсомола было выявлено, что в настоящее время в тюрьмах Польши находится 3000 комсомольцев.

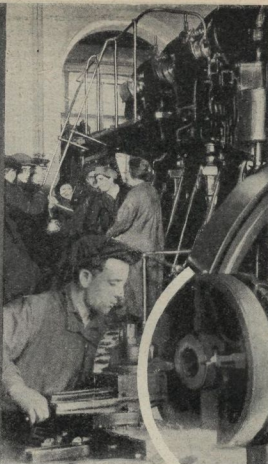
Но террор не останавливает рабочую молодежь Польши. Под знаменами комсомола она продолжает свою борьбу.

Недавно в Варшаве забастовало 1500 молодых рабочих, учащихся в вечерних профшколах. Дело в том, что фашисты заставляли рабочую молодежь проходить курс военного обучения. Комсомольцы повели агитацию, в результате чего и была объявлена эта забастовка.

Польша приняла исключительные меры для ликвидации забастовки. На квартиры молодых рабочих приходили полицейские или шпик и силой заставляли идти на работу. В классах вечерних профшкол было установлено дежурство полицейских. Выявленные смутьяны были арестованы...

ВЫПУСК
ПРОДУКЦИИ

1928-29

СНИЖЕ
СРЕБЕ
10

4.844.000

LA

62
УДАРНЫХ
БРИГАДЫ

БОРЕЦ

ЗАВОД

РАВНЯЙТЕСЬ ПО „БОРЦУ“!

Днепропетровский завод «Борец» показал, каких результатов можно добиться путем социалистического соревнования. 62 ударные бригады, организованные в этом году на заводе, добились увеличения выпуска продукции с 4844 тыс. руб. до 7262 тыс. руб. и снижения себестоимости с 10,2% до 15%. Социалистические методы труда, правильно примененные принципы соревнования вывели завод на передовую линию бойцов за выполнение пятилетки в четверте года.

Начало на первой колонке

Рабочая молодежь Польши неизмеримо страдает под ярмом фашистских панов. Нидерландская зарплата 10- и 12-часовой работы день—таков удел молодежи. 150 тысяч молодых рабочих находится без работы. Подымается волна активности в массах рабочей молодежи.

Во время процесса над революционными рабочими в Сосновинах, в Домбровском районе, комсомол организовал митинги и демонстрации. Из Кракова и Силезии в Сосновинах стиваются войска, танки и артиллерия...

На заводе военных сооружений «Зборвине» во время митинга социал-фашистские рабочие организовали нападение на коммунистического депутата тов. Жарского. В ответ комсомольцы создают отряд самообороны. Развивают социал-фашистских молодчиков. Дружинники бегут.

В Силезии комсомольцы в мартовские дни во время кампании борьбы с безработицей организуют совместно с немецкой молодежью в Королевской Гуте митинги и собрания.

На самом большом машиностроительном заводе в Польше Лильпю молодой рабочий, выдающийся революционной молодежью в состав фаблома, получил больше голосов, чем первый кандидат КПС. За молодого рабочего было подано 680 голосов.

Это вызвало бурю негодования в стане социал-фашистов. Они решили убить этого молодого рабочего, прозвали ему, требуя, чтобы он снял свою кандидатуру.

Рабочая молодежь в ответ на это организовала на заводе Лильпю отряд самообороны. Этот отряд охранял своего делегата, провожая его домой и на завод.

Работа польского комсомола скажется и на организациях противника. В результате нашей деятельности польский фашистский союз «Стрелок», который имел в своих рядах значительное количество трудящейся молодежи, потерял 225 тыс. членов.

В 1926 г. «Стрелок» насчитывал 300 тыс. В настоящее время он имеет только 75 тыс. Крестьянский союз молодежи, находящийся под влиянием пилсудчиков, имел 2500 групп в деревне. В настоящее время осталась только 1000 групп.

На съезде Польского комсомола обсуждался вопрос о решениях последнего пленума ИК КИМ. Съезд решительно выступил против оппортунистов, разлагавших союз фракционной борьбой. Были осуждены также сектантские тенденции так называемых «левых».

Съезд принял постановление, по которому каждый член комсомола обязан принять шефство над одним солдатом.

Впервые в истории Польского союза был произведен обмен опытом между всеми округами. На съезде присутствовали делегаты всех округных организаций: Лодзь, Варшава, Силезия, Западной Белоруссии, Западной Украины и т. д.

В заключение на съезде было принято приветствие Красной армии в лице подполковника Польскому комсомолу полка кавалерии и письмо братскому комсомолу советской Украины, который шефствует над Польским союзом.

Мы надеемся, что одна из лучших секций КИМ—наш братский комсомол Польши—добьется новых успехов в своей исключительной героической борьбе за массы рабочей молодежи!

С. Ч.

1929-30г.

ЕДИНОСТИ

НИЖЕННЕ
БЕ БЕСТОИМОСТИ

5%

ВЫПУСК
ПРОДУКЦИИ

7.262.000.

На улицах Лейпцига в апреле 1930 г.

УЛИЦЫ ПРИНАДЛЕЖАТ НАМ!

Очерк **Макса Гельца**

Пассажирский поезд Карлсруэ—Гейдельберг с грохотом мчится по запытому солонному южному ландшафту. За окнами весеннее благоухание. Апрельскую слякоть сменяло майское нежное цветение.

В вагозах атмосфера напряжена, взвлектризована. Пассажиры тесно прижались друг к другу. Они не замечают весеннего ландшафта. Подозрительно оглядывают друг друга. Среди них много молодежи. Они направляются в Пфорцгейм для участия в предстоящей демонстрации.

Еще условно обрывистый шопот:

— Говорят, демонстрации в Пфорцгейме и Гейдельберге запрещены в связи с столкновением коммунистов и полиции в Карлсруэ.

— Что значит запрещены! Надеясь, мы скоро покоимся, с этими бандитами. — Эти слова прозвучали человек со значком запрещенного Союза красных фронтовиков.

Я внимательно прислушиваюсь. Уже ранее я слышал, будто бы вокзал в Пфорцгейме оцеплен полицией, которая собирается меня арестовать и тем самым сорвать предстоящую демонстрацию и митинг в Пфорцгейме.

Напряженно ожидаю, что будет. Если молодежь в Пфорцгейме срефрейтит, то за пораженным в Карлсруэ последует по-

Макс Гельц, известный германский революционер, руководитель баррикадных боев 1920—21 годов в Средней Германии, вступил в коллектив постоянных сотрудников «Смены». В своем первом очерке, написанном для «Смены», Макс Гельц рассказывает о кровавых событиях, имевших место в Карлсруэ в апреле 1929 г. и явившихся лишь авангардными стычками, предшествующими боям берлинских рабочих в Нейкельне и Виздинге 1 мая 1929 г. Традиции революционной борьбы крепко спаяли и ряды рабочей молодежи, собравшейся в апреле 1930 г. на Вестерманский юношеский день в Лейпциге. Ряд снимков, помещенных нами в этом номере, иллюстрирует боювую волю и готовность к борьбе Германского комсомола.

вое. А это может сорвать демонстрации, создаваемые в Гейдельберге и Маннгейме. Я не знаю Пфорцгейма, но еще в Фрейбурге и Лерхаве я слышал о храбрости пфорцгеймской молодежи...

Поезд с грохотом подъезжает к вокзалу.

— Пфорцгейм! — кричат кондуктора, раскрывая двери вагонов.

Мы у цели. Я отхожу от окна, но не сразу направляюсь к выходу. Сердце замирает в груди. Весь вокзал наводнен полицейскими. Там, там, за целью полицейских, на прилегающей площади виднеются красивые знамена, сверкают на солнце инструменты оркестра. Пробраться туда невозможно. Все выходы заняты полицейскими. Среди них много шпиков и агентов уголовной полиции. Как быть?

Я быстро отдаю свой портфель моему спутнику со словами:

— Ступай прямо к выходу, крикни: «Рот фронт, товарищи!» и не обращай больше на меня никакого внимания.

Вот мой спутник уже у выхода, взмахнул портфелем и кричит:

— Рот фронт, рот фронт! Полицейские бросаются к нему:

— Вы Макс Гельц?
— А кто же я еще? — метко бросает им в ответ мой спутник.

Прибытие грузовиков Берлинского комсомола на Вестерманский юношеский день в Лейпциге.

Его тут же схватили.

Я надвину шапку на глаза и пробирюсь к входу. Подхожу контролеру мой проездной билет и незаметно пробираться на площадь. Кругом море голов. Кричат: «Макс Гельс арестован!»

Молодежь со знаменами пробивается сквозь цепь полицейских. Полицейские встречают их резиновыми дубинками. Град ударов сыпется на передних рядах. Масса падает назад.

Небольшая группа, впереди брабанчиш, пытается пробраться в центр города на митинг.

Хочу им сказать пару слов. Со всех сторон стекаются полицейские отряды и бросаются на всякого, кто попадает им на пути.

Беспримыслная жестокость «властителей порядка» делает свое дело: масса отступает и растекается по всем направлениям.

Куда девалась молодежь? Где знамена? Где вожди?

Видно мои фанфары прорезает воздух. На площади, где раньше всего сирепствует полиция, молодежь формирует колонну. Юные лица парней и девушек. Это члены запрещенного Красного юнфронта, готового к борьбе несмотря ни на что. Вот где он выявляет свою нечелювеческую, незаметную, лютую антигуманную, увеличивающую силу.

Господа полицейские, вы слишком рано покинете:

— Победа в Карсруэ!

— Победа в Пфорцгейме!

— Коммунисты побеждены!

— Полиция господствует на улицах!

— Свобода демонстраций только фашистам!

«Не горюйтесь, господа полицейские! Вы еще не победили! Вы забыли о революционной молодежи Пфорцгейма. Она смеется над вашей жестокостью. Вы не ожидали, что горсточка 16—17-летних парней и девушек осмелится выступить против ваших резиновых дубинок?»

Вы хотите навести порядок, прогоняя рабочих с улицы, которую они построили своими собственными руками?»

Вы хотите держаться в слепом повиновении рабочую молодежь?

— Улица принадлежит нам!— кричит комсомолец в лицо пришедшему офицеру, настаивающему revolver.

Лицо офицера багровеет от злости. Несколько бастователей порядка услаживаются бросаются на комсомолку. Сильный удар резиновой дубинки раздробляет ей переносицу. Облившись кровью, падает на землю 17-летняя Лена Кернер.

Боюсь, что она больше не встанет.

Но нет, вот она снова в гуще толпы. Ее пронзительный голос слышен фанфары привлекает к массам:

— Товарищи, сюда!

Собирайтесь!

Улица принадлежит нам!

Боевой клич обливается кровью де-

вушки подрывает

сознание и догнанных было рядов молодежи. Они уже начали сдвигаться под напором полиции.

— Не сдвигай!

— Не отступай!

— Вперед!

— Улица принадлежит нам!

Полиция в замешательстве. Что это?

Подожжены горнистов, членов юнфронта с брабанчиш впереди, снова возглавляют формирующуюся колонну. Полиция раз и навсегда разогнала ее, а она все растет.

— Рассеять демонстрантов за то что бы

они не стали!— отдает приказ офицер.— Отрезать горнистов от колонны, отнять, у них фанфары!

— Не горюйтесь, господа полицейские!

Вокруг горнистов винг образовалась плотная протестарская цепь.

Окровавленные руки крепко смыкаются и образуют стальное кольцо.

— Подойдите, господа полицейские!

На протестарские руки, на руки девушек со свистом опускаются резиновые дубинки. Верзла полицейский со всего размаха ударяет по затылку комсомолки Паула Виндлин. Тот камнем падает на мостовую.

— Проклятый зверь!— и обливается кровью Лена Кернер

из всех своих слыхавших слов дает полицейскому пинка в голени, побитый железом колодезь своего башмака.

Пример мужественной девушки заражает всех.

Сотни демонстрантов окружают ее. Колонна снова растет и крепнет. Юнфронт, как всегда, впереди.

Самые молодые—самые храбрые.

Но и старики не хотят отставать от молодежи.

Колонна растет и крепнет.

Полиция в замешательстве отступает. Она не ожидала такого поворота. Вель в Карсруэ сообщают, что коммунисты— трусы, что они бегут из страха перед дубинкой. А эти— они смеются, обливается кровью. Они падают, но тут же поднимаются и продолжают борьбу, полные сознания:

«Мы—молодая гвардия!»

Этим проносится в массе боевой клич раненой девушки. Они действуют сильнее призыва фанфары. Сотни нарастают в тысячи. Под напором массы полиция отступает и укрывается в боковых переулках.

А в полдень, когда раскрываются фабричные ворота, семь тысяч протестарцев наполняют улицы Пфорцгейма.

Полиция не видит.

Но борьба еще не окончена. Снова отдается приказ рассеять демонстрацию во что бы то ни стало. Полиция откровенно бросается на демонстрантов.

Около трех часов дается бой. Много раненых рабочих.

Много тяжело раненой молодежи. Но и полиция крепко попала. Не помогла ей подмога фашистов— она отступает.

Победа за комсомолом!

Шум и радость обуревает массы: они завоевали улицу—свою улицу. Они

Слышны обласывают участников Вейерманского ювенильного дня.

исправили урон, нанесенный протестаритом в Карсруэ.

Кулаки протестарской молодежи оказались крепче резиновых дубинок буржуазных закваса.

От Пфорцгейма до Гейдельберга всего как езды на автомобиле. Я избрал этот путь. Безумие было бы ехать по железной дороге и снова попасть в полицейскую застенки, как в Пфорцгейме. Но я это поездка в своем автомобиле не без риска. Попался шофер полдец, он мог бы преспокойно свести меня в полицейское управление Гейдельберга. Надо полагать, что о моей поездке дано знать из Пфорцгейма в Гейдельберг. Все заставы повержены полиции.

Я сильно встревожен. Мой арест в Гейдельберге мог бы сорвать демонстрацию и митинг в Мангейме.

К счастью, полиция ожидала меня на вокзале, когда я околпачил своими прибыл в Гейдельберг.

Ожидала меня и вокзала рабочие, узнав о моем приезде, мощной демонстрацией двинулись к базарной площади. Здесь должен был состояться митинг. Руководство демонстраций ждало в Пфорцгейме, было в руках молодежи. Полиция не осмеливалась помешать демонстрациям—она уже знала об участии своих коллег в Пфорцгейме.

Протестарит Гейдельберга за всевал уличку.

Слусть час я снова ячлся в автомобиле по направлению к Мангейму.

В Мангейме я покинул автомобиль, не доходя до вокзала. Полиция и здесь поджидала меня на вокзале: баденский министр внутренних дел запрета мне пребывание и выступление в Мангейме.

У вокзала десятки тысяч людей. Много рабочих. Много любознательных. Тут же сформировалась грандиозная демонстрация, несмотря на дубинки. С боевыми песнями мы двинулись к городскому концертному залу. Здесь назначен был митинг протеста против запрета демонстраций и против полицейских зверств в Пфорцгейме.

Зал полон до отказа. Я собираюсь говорить. Вдруг в зале забеспокойлись. Беспорядок перешел и на трибуну, где я стою. Хочу знать, в чем дело. Оборачиваюсь и не верю своим глазам: стройными рядами на трибуну поднимаются двадцать товарищей в форме запрещенного юнфронта. Годы многих из них покрыты окровавленными повязками. Это—товарищи из Пфорцгейма. Они проехали 70 километров на велосипедках, горь желанием участвовать на митинге в Мангейме. И вот они здесь—взмученные, израненные, окровавленные, истощенные.

Истощенные—но не побежденные.

Победители двоиной демонстрации.

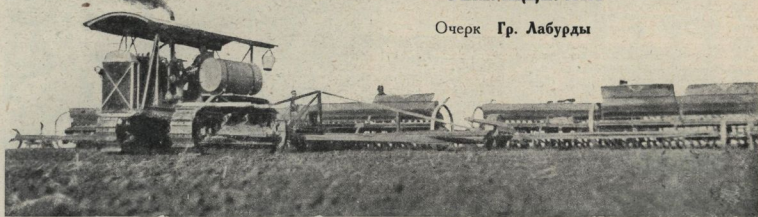
В Пфорцгейме они завоевали уличку, здесь—оценили победу, демонстрируя перед полицией свою силу.

Толпы на митинге в Лейпциге.

УДАРНИКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Очерк Гр. Лабурды

Маленький, четверо сложенный клочок бумаги. Визуа штапи: «Рябин-Будь-Обояни, Курского округа, ЦЧО».

А на обертке:

«В редакцию. От ячейки колхоза им. тов. Буденного».

Здравствуйте, дорогие товарищи.

Мы недавно вступили во всеобщую переключку на лучшую организацию труда в колхозе и вступили в соревнование с зуевской ячейкой. Но мы от них еще согласия не получили. А мы все-таки работаем. Комсомольцы-ударники по уходу за скотом добились от райисполсовета сильных кормов. Готовим лошадей к работе в поле. Скоро, ведь, пахать будем. Весна наступит. Жаль вот, что скрепок нету, почистить нечем лошадей. Говорили правление, а оно завтраками кормит.

Ударники по шефству над с.-х. инвентарем привели все в порядок — плуги, бороны, сеялки готовы. Сегодня весь день работали по чистке отвалов и смазке плугов. Наалажили сеялки.

Ударники по подготовке семян тоже работают дружно. Ребята приготовили телеги, мешки, чтоб подвозить семена в поле, колхозники работают вместе с нами.

Когда выедем в поле, мы вам сообщим. А затем, до свидания.

Ребята-ударники.

Просто сказано. «Колхозники работают с нами». А в этих словах вся сила ячейкового энтузиазма, который переломил нездоровые настроения в колхозе, нависшие пару недель тому назад. Это там кулацкие вебо бесешую агитацию против колхоза.

«ПЕРЕОБУТЫЕ»

«Перезьте дальше этих плугов и кровопийцев пшеницы».

Как квочки, кудахтаю кулацкие: — Раскулачили? Хо! Да разве меня ослепот? Не, братцы, я не один. Вон она середнячка тоже зацепилась. Терпеть мы с ними родня. На одной досточке стоим.

В деревнях Гридасово, Чекмаревка, Быханово, Шевелево, Долженково кулаки «наиверировали».

На сходе я случайно собралсясь толпе, в церкви, около колодца называемым комаром жужжали в уши:

— Не только нас, но и вас зацепили. Не проста это. Сегодня меня, завтра тебя...

Были на чувства:

— Ну, пуская меня, я кулак, а тебя за что?

Кулак нете в тот, какими рисуют его в газетах. Нет. Он одет «хуже» бедняка. Ста-

Трактористы перед отпашкой в подпольный колхоз.

Сборка шестилетних плугов молодыми ударниками в совхозе «Гигант».

рая, равная синтика, лежавшая много лет за печкой и служившая покрывалом для лошадей, теперь повисла мешком на кулацких плечах. Лавги—таких в деревне нигде не найдете: огромные, равные, ошучи мотаются неподвижными. Праделовская шапка, которой затылки дымоход в печке.

Это все—обычные кулака. Это он, переобутый, переодетый, жалостливый... тихий... богобоязливый. Зато глаза не перекобучен. Пауками спиритались они удушенно и сидят, зорко высматривая жертву.

«Переобутые» не стоят на сходе впервые. Мышцами приручены по углам за мужичные спины:

— Колхозы? А устав где?

— Вам говорят, что в колхозе будут платить, а где это сказано? Ты видел бумажку?

Зато бабы кулацкие остались попрежнему в теле: ворочали тяжелым зевом и скрипели на ухо колхозникам:

— Бабьоны, рази выи не знаете?! Да пуская меня разарзат на месте наша великомученица Варвара, если я неправду говорю. Своими ушами слышала, как они говорили. Всех вас в одну здоровенную избу сполни и... по очереди... по очереди... Обманывают вас, бабьоны. В колхозе платить не будут. К примеру, затажелела ты, ну и выгонят тебя. Даровщина все это. Вот крест святой... Держите мужиков. Не пускайте в колхоз.

Скреби колхозники затылки, скудили бабы, обнимая грязных ребятишек, и... «хоть развод, а в колхоз не пойду»... Соберутся мужики, переберут на все лады «бога», «сест», «мать» и скотом в правление:

— Дайте устав... Скажите по душам, будут платить, ай задором работать в колхозе будем?

Будем, будем, идите, не мешайте! Мы составляем производственный план... видите.

Тогда, чтоб самому не краснеть вперед людям, мужики посылали баб отнести заявление о выходе из колхоза. И странно, большинство заявлений почему-то были написаны одной и той же рукой.

А правление? Оно этого не замечало. Оно составляло план работ колхоза, тщательно вычислял в тысячных долях «человечко-дней», и отсылало в район с пометкой: «Организация труда в колхозе налаживается».

«НЕ ПОЛИТИКА. А НЕРВНОСТЬ»

«Дальнейший ослеплый рост кулацкого движения и ликвидация кулачества как класса невозможны без немедленной ликвидации этих нервничав».

(Из вост. ЦК ВКП(б))

Не в меру теплый, ручьями и снежком залпком разбухающих берег веселья март. Районный центр—Обояни—парился «с собственном соку». В райколхозсоюзе баяна. Сводки, телепрограммы, списки, справки и планы, планы без конца. Умзять точно,

скольво в районе колхозов, так же трудно, как считать волосы на голове.

По спискам числится 49, а по существу... Предрайкохозоосу Жаркову от этих цифр становится жарко.

— Сам поуди, каков темп, а? — Нет, отстаем... отстаем... Ведь была же директива насчет сплошной, а они, черт, сидят. Эх, поеду я им задам...

И ехал «на помощь» к низам». Обычно начало из района, округа приезжало внезапно.

В Долженковском кусте гости были редки. — Далеко от города и место спокойное... оправдывались в районе.

Неожиданно приехал «сам». Что ему до масс, его интересуют факты. Ну, «ель» всякая съодука, а потом, отвел в сени, зю шпента!

— Сидишь? Поднести хочешь? В других селах, вон, до ста догоняют, а у тебя еде за половину перевалило. Тоже, работником зовешься... Смотри у меня, в райком доложу, ежени...

Начальство отплевывалось и... заказывало 1001 съодуку, вонсе не забьются о том, кто будет и каковы настроения.

В д. Долженково, Рыбинские-Буды, Чекарника прекрало звание работников района. Про Жаркова колхозники говорили:

— О! Этот далеко пойдет—спец по кулакам.

Работника рика Кольцова просто величали—великий коллективистор.

Это исторча. В д. Долженково Жарков требовал раскулачить еще одиначу.

— Мы уж раскулачили десять,—протестовали работники мест. — Вы просто забыли установку округа: «Лучше перегнуть, чем не догнуть». За перегиб судить не будем, а за недогиб—держис.

Тогда начинали «рассердичивать». Кулак находил себе союзников и подымал снова на ноги.

Кольцов мететором носился по лесам и «коллективизировал» так:

— Кто против советской власти? Если ни одна рука не подымалась, считал все село коллективизированным на 100%.

На массовую работу времени не было. Служком болшая клежка. Собрания бедноты, заседания групп бедноты, актив, предварительный учет настроений, добровольность, разъяснения устава и правил внутреннего распорядка—все это отходило на задний план.

— Потом, когда в колхозе будем. Надо ликвидировать кулачество как класс, потом коллективизировать. Тогда уж...

Это тоже не случайно... Именно так ориентировала мест директива окрипкулхоза.

А когда на сходке, не выдержав кулацкого жуда, к столу пробиралась баба я, заглядывая в глаза «упаломоченава», просила:

— Скажи хоть ты, тебе лучше звать... Как в колхозе—бабам будут платить ай не?

— Урожай как—вместе аль по дворам раздавать будут?—пересбивал кто-нибудь.

— А почему земля колхозу не отрезана? Почему лошади стоят без корма? Разн это порядок? А сколько конох получить будет, пахарь, шорник?... Скажи.

Тогда оратор искал глазами агронома или «сводющего» человека. Если их не было, просто отсыдал в правление:

— Идите туда—там разберется.

ОБОЯНСКАЯ ПРАВДА

«... Работе по организации сена должна быть подчинена сейчас все другие работы в колхозе».

Оглави

Павел Яковлевич середник. Он не против колхоза. Нет... Но...

— Я бы тоже вступил в колхоз, да вот... порядок мне не нравится. Ты пойми, до посева осталось две недели, а «они» не мешают, не куют. Я, вот, уж восемь возов навозу вывез, алуд лопинца, борону, притолога, а в колхозе... пока разговаривают.

— Вишь, вон, мечутся,—показал он на толпу мужиков и баб около сельсовета,—непроста это, право, слово. Нирод ничего не знает, где, что и как, на какие условия. Кричат, вот, а толком нирод не расскажет. Эх! И дело хорошее, да алдохе работнику... Агроном тоже. Чье это дело? А он хоть бы хнх...

Помолчал немного, он добавляет: — Комсомолат, во дружки! У этих део горит. Эти покажут куцою агроному... Ейбо, правда. А с нашими колхозом дело плохо, во как плохо... большой он.

Колхоз им Буденного действительно тресла лихорадка. Кучками собирались мужики и толковали о... самом колхозе. — Пахать не будем... Из дармовищину дуракот мет...

Из соседних сел приезжали всякие люди, толкались в кооперативе и как-будто про себя говорили:

— У нас давно семена и лошадей поразобрили. Сенть будем каждый себе... Мы «своих» взяли в оборот.

Тогда отступали этио человека и до полдни вымытывали, что и как.

Из окна правления куста видно было, как толпа толпой шла к сельсовету и там поднимала крик.

— Пойти бы поговорить, убедить,—шпента кто-нибудь из комсомольцев.

— А нехай их! Поговорят, поговорят и перестанут.

Позиция «выжидания» явно брала верх. Вместо метода активного вмешательства ждали, что будет.

Агроном искренно возмущался больше всех.

— И чего им надо, не пойму. Рабочий план составлен, вот он в пишке. Все учтено точно. Давно сказано, где сеем. Вот «бронце Крутыки»—сеем овес на площади 300 га. Мужских дней нам надо затратить 3.329; женских — 3.160; подростков — 3.354; лошадей — 4.301. Что еще надо? Не лому.

В ячейке комсомола свои расчеты. Что надо делать? Разяснить устав с-х артели, довести до каждого колхозника правила внутреннего распорядка, организовать ударные бригады. Взять план посева в колхозе и расписать колхозникам, где, когда и что он будет делать, потребовать от правления колхоза усиленных кормов для лошадей и чтобы оно разило колхозников на бригады... Всем вместе, дружно, чтобы окончательно разбить кулацкую агитацию. Неорганизованность в колхозе—это конек кулака.

Когда агроном позвонился с решением ячейки, он резюмировал: — Не туда гнечем... Надо агитировать.

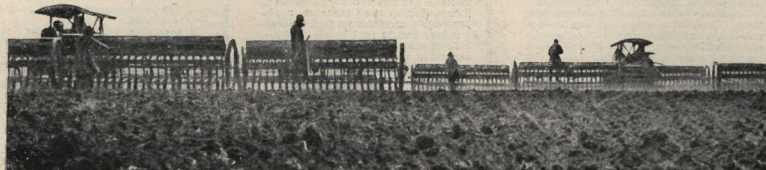
— Не агитировать, а дело делать, товарищ агроном.

Вскапыва зерна в селку.

Ремонт тракторон в селхозе «Гигант».

ВЫЕЗЖАЕМ НА ПОЛЯ!

Восвешенский сева в самом разгаре.

В то время, когда пишется эти строки, по необъятным полям Советского Союза, на бесплодном просторе, где располотались три ярада, га плодородного чернозема, идет дружный ватиск, энергичная работа по посеву полей. Вместо пшенишных колосьев, энергичных друг от друга частоколом, а бой за зерно, за пшеницу, за хлеб выступили колхозы. Одна треть всех крестьянских хозяйств сеет коллективно. Нетрутовые целины степей распахиваются колоннами тракторов, на безбрежных просторах вырастают заново фабрики зерна—союхи.

Забывает кулак. Забываясь от нехватки, тычется он тормозить социалистическое переустройство сельского хозяйства, несущее гибель последнему представителю чужеского капитализма в деревне. Весенний сева в ряде решающих районов уже подходит к концу. Повсеместно уже выехали в поле. Сейчас задача заключается в том, чтобы привести в движение все силы на борьбу за выполнение планов весеннего сева. Однако, несмотря на огромное политическое и экономическое значение текущей весенней кампании, очень многие комсомольские ячейки стоят в стороне от настоящих исторических задач, развернувшихся вокруг весеннего сева, во многих местах комсомолы не торопятся, не спешат, видимо, отсиживаясь всей важности задач.

В ряде районов из-за халатности, из-за неумения мобилизовать массу бедняков и середнячков ставится под угрозу выполнение планов.

В значительной степени повинны в этом и комсомольские организации.

Перегибы в коллективизации окрылили не только кулака, но и оппортунистов различных мастей. Без самой отчаянной борьбы с кулаком, без решительного сортирования оппортунистических элементов комсомол, совершенно естественно, не может успешно бороться за выполнение планов весеннего сева. Надо быстрее разъяснить массам последние решения нашей партии, надо быстрее исправлять допущенные ошибки, надо немедленно довести план до двора, не игнорируя и индивидуальный сектор, который, несмотря на огромный рост колхозов, продолжает играть большую роль.

Следует усилить темп работы, навестить упущенное хотя бы за этот короткий промежуток времени. Необходимо понять, что сейчас

работать по-обломовски, вразвалку — значит перестать быть революционером, скатиться в лоно оппортунизма.

Комсомольские организации должны все свое внимание сосредоточить на задачах весеннего сева, должны разбудить у каждого молодого парня революционный героизм, преданность обложке делу, горючую ненависть к врагам, к тем, кто, так или иначе, мешает успешному проведению сева.

Расширить во что бы то ни стало посевную площадь, покормить и перекрыть кулацкие клочья, засеять поля чистосортным зерном.

Ведя широкую работу среди индивидуальных крестьянских хозяйств, добиваясь от них перевыполнения планов весеннего сева, комсомол должен сосредоточить основное внимание на колхозах, на организации сева в обществственных хозяйствах.

Ставаясь зачинщиком социалистического соревнования, организацию ударные бригады, комсомол должен направить всю свою творческую энергию на правильную организацию труда внутри колхозов, на поднятие производительности труда, на соблюдение строжайшей дисциплины. Колхозы обязаны выполнять и перевыполнять планы весеннего сева. Комсомол должен всеми силами содействовать этому.

Там, где уже сева ранних культур закончился, там можно восполнить пробел посева поздних и пропашных культур. Там, где еще есть время, необходимо проявить большую энергию в выполнении планов весеннего сева.

Комсомол в эти решающие дни держит политический экзамен. Выдержать этот экзамен — значит повернуться лицом к хозяйственным и, прежде всего, внутриколхозным задачам, значит провести сева действительно по-большевистски.

Пусть забывает кулак. Пусть промечтуют оппортунисты. Последние дни весеннего сева идут нам навстречу. Колхозы крепнут за творческой работой в поле. Под напором трактора сдвигаются, увеличиваются посевные просторы.

Нам, не обольщаясь успехами, пресекая всякие кулацкие вылазки, борясь с правыми панкирами и левыми крикунами, комсомол должен стать в авангард бойцов за социалистическую переустройку сельского хозяйства, за большие урожаи, за расширение посевной площади.

Выпуск колхозной газеты.

В БОРЬБЕ ЗА КОЛХОЗ

Комсомольцы дрались за дело дружно.

— Главное — это сломать кулацкую агитацию. «Сидельки и гадылки» надо отбросить. Бол, колхозники—бедняки сами нас ругают. «Сидите, мол, черти, а кулак этим возлужется». Тут нужно ломать инаше.

И ломали. Ячейки вступили во всеобщую переключку на лучшую организацию труда в колхозе. Вызвали на соревнования зусевую ячейку комсомола. Организовали шесть ударных бригад. Подталкивали правление на организацию полевых работ бригадным порядком.

Колхозная молодежка за ячейку. Часть бедняков и середнячков поддерживала решение комсомольцев:

— Даем согласие, вы там вороваривайте, за нами останки не будет.

Комсомольцы по-ударному готовились к посеву. Приобрели сильные кормов для рабочего скота, сделали генеральный смотр с.х. инвентаря. Чистили отвалы и смазывали, промывали ходы сельков. Выбывали тельцы, ослатирили, ремонтировали. Потом насыпали в мешки семена, складывали на во...

Готовились к посеву.

Не выдержав молодежького задора и забот о сева, приходили колхозники и помогали.

А через три дня...

Такой же маленький клочок бумаги и на нем напечатан набросок карандашом.

«В редакцию.

Сообщаем вам, что наш колхоз организованно выехал в поле. Все комсомольцы нашей ячейки работают по-ударному. Колхозная молодежка и ИШКМ вместе с нами. Ударная группа пахарей работает сдельно. Сегодня рабоботла в поле девять духовных пластов, за которыми следят наши ударники. Ударная бригада боронщиков — десять человек. Два комсомольца рудевых у сельков. Ударники по уходу за скотом выехали в подкормники и фураж. Приготовили корки на конюшнях для ночного корма лошадей.

В первый день нами вспахано, проборонировано и засеяно 6 га. Подготовлено к посеву еще 12 га.

Те колхозники, которые подали заявление о выходе, теперь приходят и просят снова принять их в колхоз.

— Не хочу быть в колхозе, вынужден был, — сегодня пришла сама в поле и просит, чтобы ее не исключали.

Читает газету в колхозе «Хуторок».

— Помутни,—говорит,—меня, хочу вместе с вами.

В правление колхоза подают заявление с просьбой принять их в колхоз...

...Узусевской ячейки ответа не получили...

Наверно, струсили ребята... А наши работы не боится...

В этих простых словах—еще героизм ячейковых будней в борьбе за колхоз.

Маяковский в гробу.

Рис. И. Ларионов

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

А. Р. Палей

И станет ерундовым любовный эпизод...

Какой-нибудь Любы к любому Вове.

С этими «любовными эпизодами» он сам не сумел, в конце концов, справиться. Но для нас, его современников, его творчество — блестящее оружие именно для борьбы с пережитками старого быта и уродливой старой психологии. Для нас очень поучительно проследить жизненный путь и разобраться в творчестве этого талантливейшего поэта, чтобы понять его судьбу и, отбрав наиболее ценное из его произведений, включить в арсенал нашего оружия.

Маяковский принадлежит к старшему поколению наших поэтов. Он родился в 1894 г. и, следовательно, к моменту революции был уже вполне взрослым человеком, сложившимся в обстановке, сильно отличающейся от теперешней. Этим и объясняются те противоречия в его натуре, которые он в большей части победил в себе, но случайное минутное торжество которых привело к трагическому развалу.

Он родился в селе Багдады, в Грузии, в семье лесничего, и уже с 13 лет вел трудовую жизнь. Революционную закалку он получил с детства. Уже в 1906 г. он вступил в РС-ДРП(б), работал пропагандистом и был избран в МК (в 1906 г. его семья переехала в Москву). Был арестован и около года сидел в Бутырской тюрьме.

Он этим закончилась до революции его партизанская деятельность, и он отдался литературной работе. И в литературных своих произведениях он сразу явился ярким, выдающимся революционером формы и содержания стиха, привлекая к себе внимание всех литературных кругов.

14 апреля 1930 г. выстрелом в сердце убил себя поэт революции Владимир Владимирович Маяковский. Наша молодежь со всей решительностью должна осудить этот малоудачный поступок, совершенный в мемуары слабости крупным поэтом и мужественным революционером. Впрочем, и Маяковский сам не раз осудил его. В своей комедии «Слово» он приводит такой разговор в 1929 г.

Присылкин. Чорт с вами и с вашим обществом! Я вас не просил меня воскрешать. Заморозьте меня обратно! Во!!!

Профессор. Не понимаю, о чем ты говоришь? Наша жизнь принадлежит коллективу, и ни я, ни кто другой не может эту жизнь...

По поводу самоубийства Есенина он писал:

В этой жизни помереть не трудно,
Сделать жизнь язвительно трудней.

Когда тон. Нетте погиб от руки бело-
гвардейских убойн, сражаясь с ними, Мая-
ковский откликнулся:

Встретить я хочу
мой смертный час
так,
как встретил смерть товарищ Нетте.

Наконец, в своей предсмертной записке он пишет:

«Это не способ (другим не советуя).
Много раз в своих произведениях Мая-
ковский сильно и злобно издевался над
собственнической любовью и ревностью. В
стихотворении «Маруся отравилась» он
пишет:

Помни
исключительно, что ты зодчий
И новых отношений и новых любовнй,

Это было время общественного зстоя медкой буржуазии после подавления революци 1905 г. Рабочий класс уже собрал свои силы для новой схватки, медкобуржуазная интеллигенция в лице ее лучших и наиболее чутких представителей смутно ощущала это нарастание сил пролетариата, но, не будучи организованно с ним связана, допринимала его настроения недостаточно отчетливо. Интеллигенция распалась на два слоя. Более реакционный, руководимый Гитисвусами, Мерезжковскими и Арцыбашевыми, склонился к богословству и одобрению порнографии. Революционный, к которому относился Маяковский, пытался чувственным протестом, в первую очередь, против основных настроений и вкусов своего класса. Здесь господствовали стремления хотя и революционные, но еще в значительной степени бесформенные и анархические. В литературе их выражениями стали «футуристы» (т. е. «будущинцы»), к которым принадлежал и Маяковский. Отличаясь выдающимся дарованием, он сразу стал одним из галаврей этого течения. Стремясь к протесту против ненавистного мешанского быта, против обязательных вкусов, футуристы в самом начале открыто выступили с практической литературной схваткой. Их книги (характерно само название первого манифеста футуристов — «Поэзия общественного вкуса») в корне разрушали привычные интеллигенту литературные формы, образы и темы, доставшиеся в наследство от классической литературы и уже несоответвавшие новым темам жизни капиталистического города. Они разрушали, прежде всего, самую форму стиха. Вместо размеренных, спокойных стихов, которыми так охот-

но пользовались дворняжеские поэты, прикинув к лирике своих усадьб, футуристы давали разрозненные и короткие строчки, отдавая неравным, стремительным ритм городской машинной жизни. В области строения стиха заслуги Маяковского исключительно велики, и он оказал незагладимое влияние на всю последующую русскую, а также иностранную поэзию и в особенности на пролетарскую.

То же и относительно образов. В стихах считалось не принятым говорить о явлениях общественной жизни. Надо было говорить лишь высокие и нежные чувства и притом обязательно в условных тонах. Говорить о простых житейских вещах, брать сравнения из этой области казалось не поэтичным. И здесь футуристы решительно порвали с традицией. Маяковский как наиболее талантливый из них ввел обыденное «я» и «я» и прочее в обиход лирической поэзии.

Несомненно, что стремление к литературному скандалу было лишь внешней оболочкой футуристического движения, на самом же деле футуристы произвели серьезнейшую форму и приемов поэзии и оказали большое влияние на ее дальнейшее развитие.

К этому дореволюционному периоду относятся следующие главнейшие произведения Маяковского: «Облако в штанах», «Фабрика повзвоничника», «Простое, как мышь» и др. От революционной формы Маяковский постепенно шел к революционности содержания. Нервными, колеблющимися шагами, часто оступавшим, он все же шел по пути навсегда избранному и правильному пути — навстречу пролетариату, чтобы, в конце концов, воспринять его идеологию.

Значительным шагом на этом пути была написанная во время империалистической войны поэма «Война и Мир». В то время как подавляющее большинство русской интеллигенции еще находилось в дурмане патриотизма, Маяковский уже отчетливо и во весь свой грозный поэтический голос выступил против войны и породившего ее ка-

питализма. Здесь он полностью использовал все свои формальные достижения и создал произведение, полное ярких, жутких и убедительных образов, производящее неотразимое впечатление и являющееся сильной агитацией против войны.

Но а то же время в этой поэме еще много серьезных идеологических ошибок. Так, например, в ней ясно слышится голос пацифизма в таких строках:

Каждый, ненужный даже,
должен жить
Таими словами невозможно призывать к классовой борьбе, да еще в эпоху империалистической войны, когда эта борьба должна быть наиболее ослепительной. Конеч этой поэмы, с мотивами искупления, пахнет мистицизмом.

К этому же предреволюционному периоду творчества относится поэма «Человек», полная ярко выраженных индивидуалистических мотивов. Эти мотивы наиболее сильно владеют Маяковским, и ему приходится вести с ними напряженную борьбу. Революция произвела дальнейший сдвиг в творчестве поэта.

В первые дни февраля он написал «Поэтотхроннку революция», которая дышит энтузиазмом, хотя еще недостаточно классово-осознанным пафосом революционера. Пришел Октябрь — и чем более разгорается революция, тем более вырабатывается и просветляется классовое сознание Маяковского. Вскоре после Октября он написал пьесу «Мистерии в Бунте», которая была поставлена в театре им. Мейерхольда. Здесь очень ярко проявились одна из основных сторон творчества Маяковского — сатирическая. Ее острое жало поэт беспощадно и метко посылает в капиталистический мир. Попад по ходу действия в ад и обращаясь к чертам, он говорит им: «Человеку дерзет? Нуеньку сырь!»

«Я-б вас к Сиу свел,
каб не было поэды,
у нас в школах перегонюет!»

С 1919 г. возникает новая богатейшая отрасль литературной работы Маяковского — его принадлежала поэтическая работа. Он работает в РОСТА и других агитационно-пролетарских органах, рисует «Окна РОСТА», плакаты и стихотворные тексты к ним. Эта его работа громадна: он рисовал плакаты и писал тексты тысячами, и трудно учесть то колоссальное агитационное значение, которое имела эта работа. Она вытекала из его главной установки на обязательность искусства, на сближение его с непосредственной, живой жизнью. Новое литературное течение, во главе которого стоял Маяковский, пришедшее на смену отжившему футуризму, «Фед» («слезный фронт»), выступало как один из своих основных лозунгов практическое использование искусства в быту. Раз начавшись, эта прикладная работа Маяковского не прекращалась до самой его

Барточка Маяковского в охранном отделении.

смерти, причем он неизменно относился к ней серьезнейшим образом и никогда не отказался от степеней культуры. Он писал рекламные лозунги для Моссельпрома, стремился посылить содействовать госторголам и госпромпредприятиям. Писал агитационные поэмы против деэтирства в торговле и против самодов, и на ознакомление с Кодексом законов о труде и о вехах и о жилищной воле, — словом, на разнообразнейшие темы. В самое последнее время он написал ряд плакатов по заданиям Гостраха и Гиромтруда для борьбы с отъем, трудовой расхлябанностью. Его плакаты отличаются краткостью и выразительностью.

Стода же относится и газетная работа — множество сильных агитационных стихотворений на злободневные темы: от уродливостей быта до убийства Войкова.

Но параллельно с этим Маяковский не прекращает работы и над крупными поэтическими формами. За время революции им написаны три главные его поэмы: «15000000», «Ленин» и «Хорошо».

Поэмы «Ленин» и «Хорошо» являются вполне выдержанными революционными произведениями, в то же время очень сильными в художественном отношении.

Литературная деятельность Маяковского была тесно переплетена с его общественной работой. Он работал в литературных организациях, держал тесный контакт с рабочей общественностью, часто и охотно выступал перед рабочей аудиторией. Его кипучая натура не знала усталости. Он стоял также во главе литературной группы «Фед» в 1928 г. Эта группа была распушена, и вместо нее возник «Фед» (революционный фронт). Это была организация, уже более тесно связанная с пролетарской литературой. В 1930 г. «Фед» сделался самым дальновидящим; они рустушили свою организацию, а В. В. Маяковский вступил в РАПП. В этом же 1930 г. использовал двадцатилетие литературной работы Маяковского, и в celebration советских писателей организовал выставку. Эта выставка, подводящая итоги его работы, явилась последним завершающим аккордом его жизни. Нам досталось его богатое наследие, наследием: они закрепили нам страстную ненависть к старому миру и не менее страстную любовь к новому, который мы еще должны завоевать. В своих предмертвенных стихах он говорит:

Пусть нам общим памятником будет
построенный в боях социализм...

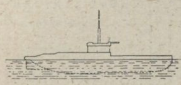
Маяковский в театре Мейерхольда. Сидит Эдман и Мейерхольд.

„ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРАМОТА“ ИГРА ЧИТАТЕЛЕЙ „СМЕНИ“

О ПОДВОДНОЙ ЛОДКЕ

Наш читатель Л. Шохор (Московский политехникум), воспользовавшись описанием устройства подводной лодки, помещенным в № 5 нашего журнала, пригласил задачу, которую предлагает решить участникам игры «Техническая грамота».

На рисунке изображена подводная лодка. Решите, как можно точно определить емкость балластных цистерн этой лодки.

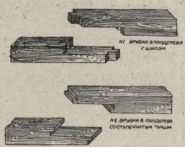
ДАВЕНО ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВО В СТРОИТЕЛЬСТВЕ!

(Врубка)

Всякое незначительное улучшение при колоссальном масштабе нашего строительства может дать миллионы рублей экономии.

Сейчас изобретательская мысль в строительстве направлена на изобретения соединений деревянных конструкций так называемых врубок. Основные требования, предъявляемые к врубкам, сводятся к тому, что они должны хорошо сопротивляться: 1) сжатию, 2) растяжению, 3) изгибу, 4) боковому сдвигу.

Интересно отметить, что наряду с новейшими способами врубок сейчас употребляются также, которые считавались сотней лет своего существования.

По этой задаче предлагаем читателям ответить, каким условиям удовлетворяют приведенные на чертеже примеры врубок. Придумайте свои конструкции врубок. Все интересное и оригинальное будет нами напечатано.

Фамилии приславших правильные решения задач будут напечатаны.

В ГОСТИ К КРАСИФОТЦАМ

ТАЛОХ № 6 НА ПОЕЗДКУ В РКФ ФЛОТ

Этот талон последний. Между приславшими в редакцию все 6 талонов будут разыграны 20 поездок за счет редакции в гости к красифлотцам в Балтийское и Черное моря.

ВСЕ ШЕСТЬ ТАЛОНОВ ПРИШЛИ В „СМЕНУ“

ИЗРЕТЬ И СОТРАЛИ

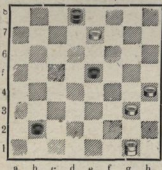
ШАШКИ

Под редакцией В. В. МЕДКОВА

4-й конкурс решений задач и этюдов

Этюд № 8

З. Г. Лёвин (Воронеж, БССР)
Печатается впервые

Белые: Д е1; пр. е7, е3, h4... (4)
Черн.: Д ф8; пр. b2, e6... (3)
Белые начинают и выигрывают.

Результаты 3-го конкурса решений шашечных задач и этюдов журнала „СМЕНА“.

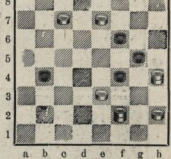
В нашем 3-м конкурсе участвовали 235 человек. В конкурсе вошло 17 задач и этюдов, за исключением не решаемого этюда № 6 В. Н. Богуславского. Из всего 3-го конкурса только один этюд № 12 исполнен побочными решениями, которые, к сожалению, не были найдены только одним М. Мельниным (Харьков). Максимальное число очков на решение всех задач и этюдов 3-го конкурса—34 очка и, кроме того, 3 побочных решения в этюде № 12, всего 39 очков.

Права получают следующие кандидаты, приславшие наибольшее количество решений:

- 5. Ф. Васе (Житомир)—30 очков.
- 6. Н. В. Дахновский (Одесса)—28 очков.
- 7. В. С. Маркузе (Ленинград)—28 очков.
- 8. Г. Ромин (Валу)—28 очков.
- 9. Юр. Шидат (Харьков)—28 очков.
- 10. Д. Н. Аронов (Москва)—27 очков.
- 11. В. И. Долгов (Воскресенск)—27 очков.
- 12. Ир. Зудовский (Ульяновск)—26 очков.
- 13. Д. Либманов (Киев)—26 очков.
- 14. В. Сидорову (Харьков)—26 очков.
- 15. Н. Н. Солянов (Москва)—26 очков.
- 16. И. Топкин (Москва)—24 очка.
- 17. А. И. Кашпер (Васильев-Некрасово)—22 очка.
- 18. Вадим Калинин (Казань)—20 очков.
- 19. И. С. Губанов (Киев)—18 очков.

Задача № 4 Г. П. Белянин (Москва)

Печатается впервые

Белые: Д f2, h4; пр. e7, e3... (6)
Черн.: пр. b4, f4, f6, d5... (4)
Белые начинают и выигрывают простую черную.

Лучший организатор подписки на „СМЕНУ“

Топ. Коротич Владимир Архипович — организатор подписки на газете и школе ФЭУ Массложпрестра.

Топ. Коротич добился 95% подписки на молодежные журналы: из 119 человек рабочей молодежи выписывают журналы «Молодой Гвардии» около 100 человек. Большинство — политически годные.

СПИСОК КНИГ,

присланных на отзыв в редакцию «Смены»

Госиздат

1. Шибайло. Почему схватает хлеба, мяса и других продуктов? 10 к.
2. Зиньков. Какие выгоды дает контрактация посевов. 10 к.

3. В. Биль-Белоцерковский. Голос недр. 75 к.
4. Каганович. Очерные задачи парторба и реорганизация партпарлапата. 10 к.
5. А. В. Артюхина. Крестьянка за коллективизацию. 6 к.
6. М. И. Калинин. Службная коллективизация и задачи советов. 7 к.
7. Анна Каравеева. Голубая заводь. 1 р. 10 к.
8. Лес Ивачели. Кровь. 1 р. 20 к.
9. Михась Зарезный. Раковые зернона. 1 р. 80 к.
10. О. Гильдебрант. Волный город Данциг. 60 к.
11. И. Витвер. Т. Х. Южная Америка. 4 р.
- Под редакцией Н. Н. Баранского и С. В. Бернштейна-Когана.
12. А. А. Курново. Рабочий и весняная полевая кампания на 1930 г. 12 к.
13. И. Кириллов. Хлеб в народном хозяйстве СССР. 25 к.
14. В. Молотов. О колхозном движении. 5 к.
15. Ю. Четет. Фотограф-любитель. 35 к.
16. Г. Санников. Красная площадь. 1 р. 20 к.
17. Л. Неган. Машиностроение и пятилетие. 10 к.
18. Его же. Балтики и всеоблаковливом. (На «Красные» и «Малыгин») 1 р. 25 к.
19. Л. Либман. Об организации бедноты и батрачества. 10 к.
20. В. Молотов. Лицом к колхозному движению. 3 к.

21. Я. Кулага. Сборник стихов. 2 р.
22. Лебедев, И. И. Избранные произведения. 2 р. 25 к.
23. А. Жаров. Великое состязание. 30 к.
24. М. Ткачи. Смерть-топ. Вули. 1 р. 60 к.
25. А. Жаров. Сентиментальный друг. 1 р.
26. А. Асюткина. В поход за весенней сеной. 12 к.
27. АППО МК ВКП(б). Пролетариат и крестьянство в эпоху шва. 4 к.
28. Гитштейн. Снопы молчания (Индия) 1 р. 75 к.
- «Московский Рабочий».
29. АППО МК ВКП(б). Реалия и классовая борьба. 25 к.
30. С. Билос. Социалистическое соревнование в весеннем севе. 8 к.
31. Леонид. На пути к ликвидации кулачества. 10 к.
32. С. Фридан. О фондах и капиталах и колхозах. 10 к.
33. Ф. Кент. Политические нравы Соединенных Штатов. 65 к.
34. Ганс Лорберг. Человек истаивает. 1 р. 60 к.
35. И. Ольтрат. Анна Пролетарка. 1 р.
- «Прибой»
36. Е. Влаштин. Ленинская стройка. 25 к.
37. Березин, Бобров, Гусева. Рабочая молодежь как она есть. 45 к.
38. Илья Садовцев. Неугомон. 2 р. 75 к.

24552

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

ГОНЕЦ ПО ТОВАРО-ПОСЫЛАЧНЫМ ОПЕРАЦИЯМ

ВСЕ НУЖНЫЕ ВАМ КНИГИ ВЫПИСЫВАЙТЕ ЧЕРЕЗ "ГОНЕЦ"

КАЖДЫЙ ПАРТИЗН, КАЖДЫЙ КОМСОМОЛЕЦ должен знать историю знаменитого партизана Ф. Меринга, 442 стр., о худож. портрете. Ц. 1 руб.

КАКОВА БУДЕТ ЖИЗНЬ И ТЕКЛА БУДУЩЕГО?

СОЦИАЛЬНЫЕ УТОПИИ Будущее производство, транспорт, связь, город, сельское хозяйство, Мессинглетские сообщения, Человек будущего и его психология, Сборник статей Дри. А.на, проф. Лобачевский, Чапкова, Орлова, Володина, Мельнишавина, Зыкина, 503 стр. с иллюстр. Ц. 2 руб.

СКУЛЬПТУРА

Бост Ленина раб. Андреев—25 р., бост Сталина раб. Яковлева—25 р., бост Сталина раб. накт.—1 р. 50 к., бост К. Маркса раб. Таскенов—30 р., К. Маркса (мелкий раб.)—10 р., бост Калнина раб. Стрелва—25 р., барельеф Ленина на столбах—1 р. 50 к., барельеф Ленина на столбах—75 к., барельеф Сталина на столбах—1 р. 50 к., барельеф Сталина круглый—75 к., барельеф Дзержинского на столбах—1 р. 50 к., барельеф Дзержинского овал.—75 к., барельеф Дзержинского круглый—60 к., Упаковка и пересылка по действит. стоимости. Заказы исполн. при получении 25% стоимости.

БИБЛИОТЕЧКА КОМСОМЛЬЦА-АКТИВИСТА

40 книг, 5 выходящих ответов на актуальнейшие вопросы комсомольского движения и социальныя отдельные задачи комсомольца в городе и деревне. Цена библиотеки 6 р. 70 к.

НОВОЕ В НАУКЕ

Библиотека на 12 книг, включающих обзоры новых достижений физики, химии, биологии, геологии, медицины, астрономии и др. наук. Книги написаны популярным языком и составлены группами лучших работников. Цена библиотечки 5 руб. 40 к.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ БИБЛИОТЕКА

под ред. Н. С. Когана
14 книг произведений русских и иностранных классиков (Ф. Золд, О. Марб, С. Тютчев, А. Френкель, Вольфганг, Салтыковский-Щегрин и др.), всего 2 000 стр. большого формата. Ц. 10 р.

Для подготовки в вузы

Решения и ответы к сборнику алгебраических задач и примеров Шапошникова и Валычева, ч. I (4636 задач). Сост. Неврасов и Кош. Ц. 2 р. 20 к.

БИБЛИОТЕЧКА НАЧИНАЮЩЕГО ПИСАТЕЛЯ И РАБОКА

А. Крайский. Что надо знать начинающему писателю (выбор из сочинен. слов).—60 к. А. Крайский. Что надо знать начинающему писателю о построении драмы. 60 к. Работы классиков жанра прозы (Пушкин, Толстой, Чехов, Горький, Ф. Золд). Сборник статей. 80 коп. В. Дружин. Отдель. современной литературы. 60 коп. Как и над чем работать писателю. Сборн. статей Лыбедского, Малковского, Шанина, Асеева и др. 1 р. 50 к. В. Савинов. Очерки по истории русской прозы XX века. 80 к. М. Майский. Пособия для литератора. 45 коп. 5 книг обзора современной иностранной литературы. 1 р. 50 к.

Немецкий язык из чужие

по самоучителю ПИМЛЕНОВА, составлен по методу МЕРТИГЕРА, не треб. знаний, слов и правил: Допущен. ГУСОМ. Курс I (2244 начинающих)—2 р. 50 к. Курс II (для продолжающих)—2 р. 50 к.

ШКОЛА ОРАТОРА С. М. Серениникова

Полный курс ораторского искусства. Пособие для ораторов, лекторов, учителей, кружководов, школы, преподав., авторов. 1 ч. Тезисы на речи. П ч. Музыка слова. III ч. Школа оратора. Все 3 части в 2 томах—4 р.

1000 английских слов, дающих начальное знание языка, изучают по самоучителю Вл. ДИНЗЕ.

Цена 2 р. 50 к.

ВСЕ НУЖНЫЕ ВАМ КНИГИ ВЫПИСЫВАЙТЕ ЧЕРЕЗ "ГОНЕЦ"

Книги высылаются в условном платении. Приславши деньги вперед по адресу на книги. Заказы в деньгах адресуют: Москва, "ГОНЕЦ", Москвитинская, 24/41

Не „охотничий“ расказ?

а результат применения БЕЗДЫМНЫХ ОХОТНИЧЬИХ ПОРОХОВ — ВОХИМТРЕСТА — КОТОРЫЕ ДАЮТ РЕЗКИЙ БОЙ ПРИ СЛАБОЙ ОТДАЧЕ.

ПРОДАМА В МАГАЗИНАХ «ДИНАМО», ВОИНО-ОХОТНИЧЬЕГО ОБЛА. Р. ВСЕХ МЕСТНЫХ ОХОТНИЧЬИХ КЛУБОВ.

ОСНХ **ВОХИМПРОМ** СССР

КОМСОМОЛЕЦ! РАССКАЖИ ВСЕМ ПИОНЕРАМ И ШКОЛЬНИКАМ

О ДЕТСКОМ ЗАОЧНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

ПИОНЕР И КАЖДЫЙ ШКОЛЬНИК ВСЕ МОГУТ ЗНАТЬ, ВСЕ МОГУТ ПОИТЬ, ВСЕМУ МОГУТ НАУЧИТЬСЯ, ЕСЛИ ПОДВИЖУТСЯ НА ДЗУ

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТ ВЫСЛАДЕТСЯ ВЕСЛАТНО.

РАССЧИГАН НА РЕБЯТ в возрасте от 10 до 16 лет.

даст им крмичиническое понимание окружающей жизни и ее явлений. Составит на **РАБФАНА**, ч. 45 к. и **4 ФАКУЛЬТЕТОВ:** общественно-образовательного—12 курсов, цена 6 р. 40 к.; ерствительно-технического—9 курсов, цена 4 р.; сельско-хозяйственного—5 курсов, цена 2 р.; подготовит детского актива—6 курсов, цена 2 р. 7 к.

Цена отдельного курса 45 к. Подписаться можно на отдельные курсы: на факультет или полный университет (цена 14 руб, 50 коп).

При **ДЗУ** имеется **ЗАОЧНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ** в ОПИИ изд-ва — Москва, ул. Герцена, 10, в отделениях и магазинах издательства и в письменно-дочев.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в ОПИИ изд-ва — Москва, ул. Герцена, 10, в отделениях и магазинах издательства и в письменно-дочев.

ПЕРЕВОДЫ НАПРАВЛЯЙТЕ: Москва, 19, Воздвиженка, 10, изд-во „Работник Просвещения“.